

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Локкѣ и Беркли.

Локкѣ. Имя Локка пользуется особенною извѣстностію. Оно извѣстно и тѣмъ, которымъ неизвѣстенъ цѣлый рядъ писателей, посвятившихъ свои научные труды и изслѣдованія нашей наукѣ. Нѣкоторые считаютъ Локка основателемъ психологіи, какъ науки (въ строгомъ смыслѣ слова).

Согласно поставленной нами задачѣ, мы не находимъ возможнымъ вдаваться въ подробное изложеніе всѣхъ психологическихъ ученій, которыя заключаются въ знаменитомъ психологическомъ трактатѣ Локка — «Опытъ о человѣческомъ разумѣ» (An Essay concerning human understanding)¹, при томъ, по нашему мнѣнію, Локкѣ не начинается, а продолжаетъ уже начатыя психологическія изслѣдованія; въ его трактатѣ находится не мало такого, что высказано раньше предшественниками его — Декартомъ, Гассанди и Гоббсомъ. Но мы признаемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми, что появленіе въ свѣтъ указаннаго трактата Локка составляетъ эпоху въ исторіи нашей науки. Во-первыхъ, въ немъ мы въ первый разъ встрѣчаемся съ индуктивнымъ методомъ, введеннымъ въ психологическія изслѣдованія. Во-вторыхъ, съ появленіемъ въ свѣтъ трактата Локка началось немаловажное вліяніе психологическихъ изслѣдованій на философію, науку,

¹ О значеніи Локка въ психологіи см. «Немецкая психологія въ текущемъ столѣтіи» проф. Троицкаго.

литературу и самую жизнь; это вліяніе непрерывно продолжается въ XVIII-мъ столѣтіи.

Локкъ воспитывался въ оксфордскомъ университетѣ. Въ то время здѣсь преподавалась перипатетическая философія, «переполненная темными терминами и бесполезными вопросами». Локкъ не чувствовалъ расположенія къ этой философіи, находя ее пустою и бесплодною. Но онъ скоро познакомился съ философскими сочиненіями Декарта, которыя произвели на него сильное впечатлѣніе ясностію изложенія. Предметомъ спеціальныхъ занятій Локкъ избралъ медицину. Но прежде, чѣмъ перейти къ медицинѣ, онъ подъ вліяніемъ Бойля изучалъ химію. Изъ философскихъ сочиненій, кромѣ сочиненій Декарта, онъ изучалъ еще сочиненія Гоббса, Гассанди и Вэкона. Въ его медицинскихъ занятіяхъ особенно сильно вліялъ на него знаменитый врачъ того времени Сиденгамъ (Sydenham) своимъ методомъ изученія болѣзней. Это вліяніе отразилось и на психологическихъ изслѣдованіяхъ Локка¹.

О Сиденгамѣ выражаются такъ, что его практика была истиннымъ переворотомъ въ медицинѣ. Наиболѣе замѣчательныя и оригинальныя наблюденія его касались главнымъ образомъ отношеній болѣзней къ состоянію атмосферы и временамъ года. Онъ первый указалъ на важность изученія того, какъ въ одной и той-же странѣ одна и та-же болѣзнь можетъ видоизмѣняться въ различное время года. «Есть, говоритъ онъ, болѣзни, которыя поражаютъ людей во всякое время года; но есть и такія, которыя являются въ извѣстное только время года, и такихъ болѣзней довольно много». «Мы видимъ, что обращаютъ вниманіе на то, въ какое время рождаются животныя и развиваются растенія; но мало такихъ медиковъ, которые принимаютъ во вниманіе вліяніе на болѣзнь времени года; а между-тѣмъ знаніе

¹ Fox *Biographe*, Life of John Locke. 1876.

этого весьма полезно какъ для изученія болѣзни, такъ и для лѣченія ея»¹.

Въ одномъ изъ сочиненій Сиденгамъ говоритъ о методѣ въ медицинѣ слѣдующее: «какъ Гиппократъ не безъ основанія порицалъ тѣхъ, которые приписывали гипотезамъ о природѣ чело-вѣческаго тѣла слишкомъ большое значеніе, такъ и теперь слѣдуетъ по справедливости сдѣлать упрекъ писателямъ, кото-рые надѣются усовершенствовать медицину по преимуществу на основаніи химіи. Правда, нужно согласиться съ тѣмъ, что это искусство весьма полезно, когда оно не выступаетъ изъ соб-ственныхъ предѣловъ; но если хотятъ возвести его на степень наукъ, то заблуждаются относительно ея природы; равнымъ обра-зомъ, если думаютъ, что указанія на лѣченіе могутъ быть до-ставлены тѣмъ или другимъ элементомъ тѣла, то теряются въ умозрѣніяхъ относительно такихъ химеръ. Всѣ гипотезы, со-здаваемые воображеніемъ и неоснованныя на наблю-деніи, разрушатся и уничтожатся временемъ; между-тѣмъ-какъ указанія природы погибнутъ только съ са-мою природою. Гипотезы, основанныя на философскихъ аксіо-махъ, всегда ошибочны и бесполезны; но есть гипотезы, кото-рыя основываются на фактахъ и извлекаются изъ практической медицины, послѣднія — непоколебимы»² и т. д.

Локкъ не сдѣлался практическимъ врачомъ, но сильно инте-ресовался медициною съ научной точки зрѣнія и написалъ нѣ-сколько небольшихъ разсужденій, относящихся къ медицинѣ; сюда относятся: «*Respirationis usus*», «*De arte medica*», «*Ana-tomica*», «*Tussis*». Самъ Сиденгамъ высоко ставилъ мнѣніе Локка объ острыхъ болѣзняхъ, ихъ исторіи и лѣченіи. Изъ указанныхъ сочиненій до насъ дошло въ цѣлости только первое; отъ про-чихъ же остались лишь отрывки.

¹ Papillon, Histoire de la philosophie moderne. Tom. I, стр. 66—67.

² Papillon, Hist. de la philos. moderne. Tom. I, стр. 64.

Въ разсужденіи — «De arte medica» Локкъ обнаруживаетъ себя вполне ученикомъ Сиденгама. «Тѣ, которые серьезно занимаются созданіемъ и построеніемъ абстракцій, посвящаютъ, говоритъ онъ, слишкомъ много труда ничтожному дѣлу и, будучи взрослыми, обращаются къ дѣтскимъ игрушкамъ. Нѣтъ знаній истинно достойныхъ этого названія кромѣ тѣхъ, которыя ведутъ къ какому-нибудь новому и полезному открытію, которыя научаютъ создавать новое быстрее и легче, чѣмъ было прежде. Всякое другое умозрѣніе, какъ бы оно ни было серьезно, остроумно, глубокомысленно, есть не что иное, какъ пустая философія, занятіе праздное». «Начало и усовершенствованіе полезныхъ искусствъ и удобствъ жизни имѣли своимъ источникомъ индустрію и наблюденіе. Истинная наука возникла въ первый разъ въ мірѣ чрезъ опытъ и умственные операціи. Если-бы этотъ методъ продолжался и если-бы всѣ человѣческія мысли направлены были къ тому, чтобы къ наблюденіямъ другихъ присоединить еще собственные усилія, то медицина, равно какъ и другія науки находились бы въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ теперь; но люди, не довольствуясь тѣмъ знаніемъ, которыя они могли пріобрѣсти и которыя полезны имъ, съ надменностію хотѣли проникнуть въ тайны природы вещей, а ргіогі поставить принципы, относящіеся къ операціямъ природы, и тщетно ожидали, что природа или, вѣрнѣе, Богъ будетъ слѣдовать тѣмъ законамъ, которые они предписывали ему. Нашимъ слабымъ и ограниченнымъ способностямъ доступно только наблюденіе и удержаніе въ памяти нѣкоторыхъ немногихъ дѣйствій, производимыхъ видимыми внѣшними причинами; но способъ произведенія выходитъ изъ предѣловъ нашего изученія и пониманія; поэтому, можетъ быть, благоразумно то убѣжденіе, что эта огромная и замысловатая машина міра — твореніе Всемогушаго можетъ быть вполне понятна только уму, который создалъ ее. Человѣкъ же, ставя себя на мѣсто Бога, смѣло дополняетъ своимъ воображе-

ніемъ то, чего недостаетъ въ наблюденіи, и, если не въ состояніи бываетъ открыть начала, причины и процессы, то по необходимости выдумываетъ ихъ своею собственною мыслию, создавая свой собственный міръ, устраиваемый и управляемый его же собственнымъ умомъ. Этотъ безплодный методъ распространяють и на болѣе полезныя отдѣлы физики, и чѣмъ остроумнѣе, вышеишнѣе и ученѣе онъ кажется, тѣмъ онъ опаснѣе и тѣмъ больше замедляетъ онъ прогрессъ практическихъ знаній; потому что умы болѣе воспріимчивые и геніальные, будучи всецѣло увлечены пустымъ умозрѣніемъ, благодаря привычѣ и воспитанію, предоставляютъ усовершенствованіе и разработку полезныхъ искусствъ умамъ посредственнымъ; вслѣдствіе чего міръ загроможденъ книгами и отягощенъ диспутами. Количество книгъ увеличивается, не давая новыхъ знаній. Поколѣнія уступаютъ мѣсто другимъ болѣе ученымъ, но менѣе мудрымъ и счастливымъ, или, если новыя случайныя открытія и увеличиваютъ удобства чело-вѣческой жизни, то этими цѣнными открытіями мы обязаны не философскимъ умозрѣніямъ, а случаю или экспериментамъ, удачно произведеннымъ тѣми, которые все время и все мысли посвящаютъ на изученіе природы, а не школьныхъ принциповъ»¹.

Кузенъ въ своемъ курсѣ—«о Локкѣ и его философіи» замѣчаетъ, что его занятія медициною служили хорошимъ средствомъ для приготовленія его ума къ метафизикѣ: «онъ развили въ немъ наблюдательный талантъ»².

По самому существу метода (очерченного въ вышеприведенной выдержкѣ), психологическія изслѣдованія Локка распадаются на два разряда: съ одной стороны онъ критикуетъ и опровергаетъ метафизическія гипотезы, введенныя въ психологическія изслѣдованія до него, доказывая ихъ несостоятельность; съ дру-

¹ Fox Bournе, Life of J. Locke. Tom. I стр. 224 — 225.

² V. Cousin, Cours de l'histoire de la philosoph. moderne. Tom. III, стр. 43, изд. 1847 г.

гой — продолжаетъ изслѣдованія предшественниковъ въ тѣхъ пунктахъ психологіи, гдѣ эти изслѣдованія казались ему прочно основанными на наблюденіи и выводахъ изъ фактовъ.

Въ первой книгѣ трактата «Опытъ о человѣческомъ разумѣ» Локкъ подвергаетъ критикѣ гипотезу Декарта о врожденныхъ идеяхъ и принципахъ. Въ число врожденныхъ идей, указываемыхъ Декартомъ, идея Бога занимаетъ первое мѣсто. По мнѣнію Локка, наблюденіе отнюдь не доказываетъ врожденности идеи Бога. Если-бы она была врождена человѣку, то всѣ (безъ исключенія) люди имѣли бы понятіе о Богѣ. Но миссіонеры свидѣтельствуютъ, что не всѣ дикіе народы имѣютъ его (*recipere, पिшетъ одинъ изъ нихъ, eam gentem nullum nomen habere, quod deum et hominis animam significet, nulla sacra habet, nulla idola*). Равнымъ образомъ не врождены человѣку и принципы. Это видно изъ того, что дѣти и идіоты не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о нихъ. «Если только дѣти и идіоты имѣютъ душу, то они неизбѣжно должны понимать и знать ихъ, равно какъ и основывать на нихъ истины»¹.

Не болѣе состоятельны и другаго рода гипотезы, какова гипотеза, по которой мысль присуща матеріи, или другая, по которой мысль выводится изъ движенія. Относительно первой гипотезы Локкъ высказывается такъ: въ наблюденіи мы не встрѣчаемъ ни одной матеріальной частицы, которая имѣла бы мысль, какъ присущее ей свойство; было бы абсурдомъ принимать, что составъ частицъ, изъ коихъ каждая отдѣльно не мыслить, могъ дать въ результатъ мысль. Относительно второй гипотезы Локкъ замѣчаетъ, что изъ движенія можетъ произойти только движеніе².

Локкъ совѣтуетъ изслѣдователямъ мириться съ незнаніемъ нѣкоторыхъ вещей. «Я думаю, говорить онъ, что безъ всякой обиды

¹ An Essay concerning human understanding. Book I, chap. 2, 3 и 4.

² Ibid. Book IV, chap. 35. 6.

нашей природѣ можно быть увѣреннымъ, что наши знанія никогда не достигнутъ всего, что мы желаемъ знать относительно идей, которыя мы имѣемъ; мы не въ состояніи преодолѣть всѣхъ трудностей и разрѣшить всѣ вопросы, которые возникаютъ относительно ихъ. Мы имѣемъ идеи матеріи и мысли; но возможно, что мы никогда не будемъ въ состояніи сказать — матеріальное существо мыслить или не матеріальное»¹.

Еще болѣе строгой критикѣ подвергнуто Локкомъ схоластическое ученіе о способностяхъ. «То было просто заблужденіе, говоритъ онъ, когда способности описывались и представлялись, какъ многочисленные отдѣльные агенты, потому что на вопросъ — что такое перевариваетъ пищу въ нашемъ желудкѣ, былъ уже готовый отвѣтъ: пищеварительная способность. Что такое побуждаетъ что-либо къ выходу изъ тѣла? — способность экскреціи. Что такое движетъ? — способность къ движенію. Эти обороты рѣчи, переложенные на болѣе понятный языкъ, сводятся къ тому, что пищевареніе совершается чѣмъ-нибудь, что можетъ переваривать пищу, — движеніе — чѣмъ-нибудь, что можетъ двигать, пониманіе — чѣмъ-нибудь, что можетъ понимать. Способности суть просто свойства, а не существа; онѣ принадлежатъ агентамъ, но сами не суть дѣйствующія лица. Выраженіе «способность» означаетъ просто возможность что-нибудь дѣлать, и такимъ образомъ говорить, что воля свободна или несвободна, воля даетъ направленіе уму, умъ слушается или не слушается воли — также нелѣпо, какъ говорить, что способность къ пѣнію желаетъ пѣть, способность къ танцамъ желаетъ танцевать или способность танцевъ дѣйствуетъ на способность пѣнія. Способности означаютъ просто отношенія»².

Въ трактатѣ Локка мы всюду видимъ стремленіе автора разсѣять туманъ, навѣянный на область психологіи метафизикою и

¹ An Essay. Book IV, chap. 3. § 6.

² Essay. Book II, chap. 21.

мистицизмомъ, и свести изслѣдованіе на простое наблюденіе фактовъ. Для примѣра обратимся къ его трактату о волѣ. Воля, по его опредѣленію, есть простая идея, получаемая нами чрезъ рефлексію, когда мы начинаемъ упражняться въ тѣлесныхъ движеніяхъ. Иногда предлагаютъ вопросъ: свободна ли воля или несвободна? Этотъ вопросъ не имѣетъ смысла, если онъ ставится безотносительно къ частнымъ случаямъ; можно спрашивать — свободенъ ли человѣкъ думать? свободенъ ли онъ ходить. Человѣкъ свободенъ ходить, потому что онъ можетъ ходить и стоять неподвижно; но онъ не свободенъ летать, потому что это не зависитъ отъ его воли. Для свободы недостаточно того, чтобы человѣкъ могъ что-нибудь дѣлать; для этого нужно, чтобы онъ могъ и не дѣлать то-же самое. Часто смѣшиваютъ необходимое и произвольное дѣйствія; но дѣйствіе можетъ быть необходимо и въ то-же время не произвольно, такъ-что необходимое не противоположно произвольному. Мысль наша большею частію свободна; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она произвольна: тѣ идеи невольно тѣснятся въ головѣ, интенсивность которыхъ сильна; напр. мать несвободна забыть о потерянномъ сынѣ при всемъ стараніи забыть его; равнымъ образомъ тѣ идеи тѣснятся въ головѣ, о которыхъ мы часто думали; наконецъ, идеи, вызываемыя въ умѣ извѣстными состояніями, остаются въ нашей мысли и нашемъ сознаніи помимо нашей воли, напр. въ ипохондріи или при разстройствѣ нервной системы возстаютъ въ нашемъ сознаніи мрачныя мысли помимо воли; разстройство пищеваренія вызываетъ страшные сны и т. д.¹

Трактатъ Локка «Опытъ о человѣческомъ разумѣ» состоитъ изъ четырехъ книгъ, и къ какой бы книгѣ мы ни обратились, всюду найдемъ, что фактическая сторона является преобладающею; вездѣ психологическій анализъ обогащенъ примѣрами, обнаруживающими наблюдательность изслѣдователя. Предметомъ его

¹ Essay. Book II, chap. 21.

наблюдения служат люди различного возраста, образования, профессии, пола, вѣроисповѣданій и проч. То онъ обращается къ дѣтямъ, чтобы убѣдиться въ ложности гипотезы Декарта о врожденности идей и началъ, или — чтобы прослѣдить, какія идеи соединяются у нихъ съ тѣмъ или другимъ терминомъ и чрезъ то убѣдиться, что количество идей, соединенныхъ съ известнымъ терминомъ, неодинаково у дѣтей и взрослыхъ. То онъ ведетъ насъ въ людскую, чтобы показать на слугѣ, который не слышитъ звонка, что ощущение въ смыслѣ физиологическомъ и воспріятіе не одно и то-же; или приглашаетъ заглянуть въ желѣзную лавку, чтобы убѣдить васъ въ томъ, что можно привыкнуть къ самымъ сильнымъ негармоническимъ звукамъ, которые на свѣжаго человека производятъ крайне непріятное впечатлѣніе. То заставляетъ онъ васъ присутствовать при ученомъ диспутѣ двухъ докторовъ, который продолжается съ крайнимъ воодушевленіемъ и даже ожесточеніемъ единственно вслѣдствіе того, что не было выяснено въ началѣ диспута, что разумѣетъ каждый изъ нихъ подъ терминомъ, выражающимъ предметъ спора, такъ-какъ терминъ или названіе есть знакъ идей, а не вещей. Локкъ приглашаетъ васъ далѣе сдѣлать экскурсію въ область философіи и ея исторію, чтобы убѣдиться, что здѣсь играли роль слова, не имѣющія объекта; онъ указываетъ на «случай» и «судьбу», которые у эпикурейцевъ и стоиковъ фигурировали, какъ реальныя бытія, указываетъ также на идеи Платона. Онъ ведетъ васъ въ художественную галерею и заставляетъ прислушаться къ критическимъ отзывамъ о художественныхъ произведеніяхъ. «Гармонія цвѣтовъ», «совершеннѣйшее выполненіе» — развѣ это не то-же, что «случай» и «судьба» философовъ? Казалось бы довольно примѣровъ; но индуктивный изслѣдователь, руководимый аналогіей, не останавливается и проникаетъ въ область, въ которой, по-видимому, нѣтъ мѣста увлеченію словами и терминами, заглядываетъ въ науки.

Въ медицинѣ употребляются, какъ онъ указываетъ намъ въ качествѣ специалиста, такіа выраженія: «ненормальное возбужденіе», «спазмы», «кризисъ болѣзни» и проч. Все, что мы знаемъ о дѣйствіи природы, замѣчаетъ на это Локкъ, и въ-частности — о состояніи нашего здоровья и операціяхъ нашего собственного тѣла, извѣстно намъ только чрезъ наблюдаемые нами аффекты; но намъ не извѣстенъ процессъ происхожденія и способъ, по которому то или другое происходитъ.

Локкъ не довольствуется фактами психической жизни, наблюдаемыми среди людей. Гдѣ нужно, онъ обращается къ психической жизни животныхъ. Въ виду рѣзкаго разграниченія между животными и человѣкомъ, поставленнаго Декартомъ, онъ считаетъ нужнымъ высказать, что хотя «различіе между нѣкоторыми людьми и нѣкоторыми животными велико; но если мы сравнимъ разумъ нѣкоторыхъ людей и нѣкоторыхъ животныхъ, то найдемъ такое малое различіе между тѣми и другими, что трудно будетъ сказать, что большаго въ человѣкѣ въ сравненіи съ животными?!...». Сравнивая, далѣе, способности животныхъ съ способностями человѣка, онъ находитъ у животныхъ почти всѣ способности человѣка, какъ-то: перцепцію или чувственное воспріятіе, память, способность различенія, сравненія и составленія сложныхъ идей изъ простыхъ. Правда, психическія способности животныхъ слабо развиты въ сравненіи со способностями человѣка; но — не всѣ. Слабость развитія ихъ у животныхъ начинается съ способности сравненія. «Я думаю, говоритъ Локкъ, что животныя сравниваютъ не идеи, а обстоятельства, связанныя съ предметами». «Составленіе простыхъ идей въ сложныя хотя и замѣчается у животныхъ, но въ самой низкой степени». Животныя не имѣютъ отчетливаго знанія числа или счета самихъ себя, такъ-что, когда одинъ или двое изъ группы дѣтей у самки бываютъ украдены въ отсутствіи прочихъ или взяты безъ шума въ ихъ присутствіи, то они не за-

мѣчаютъ или не имѣютъ того чувства, что количество ихъ уменьшилось. Не замѣчается у животныхъ только способности абстракціи и общихъ понятій¹.

Въ трактатѣ Локка одно можетъ показаться намъ нѣсколько страннымъ. Будучи по образованію медикомъ, Локкъ нигдѣ почти (за немногими неважными исключеніями) не выразилъ претензіи свести психологическія изслѣдованія на фізіологическія и объяснять психическія явленія изъ фізіологическихъ данныхъ, какъ причинъ. Но въ этомъ видна та благоразумная научная осторожность, которая внушается изслѣдователю пріемами индуктивнаго изслѣдованія и которою Локкъ особенно отличается. Въ то время, когда авторъ «Опыта о человѣческомъ разумѣ» углублялся въ психологическіе вопросы, медицина находилась въ печальномъ состояніи. Въ ней преобладали метафизическія воззрѣнія ятроматематиковъ и ятрохимиковъ. Фізіологическія изслѣдованія Галена, Гэрвея, Везалія, Фаллопія, Бергава, Виллиса и нѣкоторыхъ другихъ были еще сравнительно крайне скудны, особенно — въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ они касались изученія мозга и нервной системы. Указано существованіе нервовъ, идущихъ отъ мозга къ органамъ внѣшнихъ чувствъ (Галенъ, Везалій) и намѣчены встрѣчающіяся въ нервахъ гангліи или узлы (Виллисъ); но значеніе этихъ послѣднихъ не опредѣлено. Вотъ почти все, что было извѣстно въ то время относительно нервной системы. При такомъ состояніи фізіологіи мозга и нервной системы могъ ли благоразумный изслѣдователь приступить къ объясненію психическихъ явленій изъ фізіологическихъ данныхъ? Тѣмъ болѣе Локкъ, руководимый методомъ Бэкона и Сиденгама, не могъ рѣшиться на такую попытку, потому что отлично понималъ, что въ данномъ случаѣ ему пришлось бы ставить болѣе или менѣе произвольныя гипотезы и теряться въ догадкахъ

¹ Essay. Book II, chap. 11.

(примѣры были на его глазахъ). Поэтому, онъ предпочелъ сосредоточить свои психологическія изслѣдованія въ предѣлахъ области чисто психологической.

Чтобы дать возможность читателю непосредственно познакомиться съ характеромъ этихъ изслѣдованій, мы представляемъ здѣсь переводъ 33-й главы изъ второй книги трактата — «Объ ассоціаціяхъ идей».

ГЛАВА 33-я. ОБЪ АССОЦІАЦІЯХЪ ИДЕЙ.

«Рѣдко бываетъ, чтобы человѣкъ не замѣчалъ въ мнѣніяхъ, разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ другихъ людей нѣчто такое, что ему кажется страннымъ и экстравагантнымъ и что дѣйствительно таково. Каждый легко подмѣчаетъ малѣйшіе недостатки этого рода, если только они отличны отъ его собственныхъ недостатковъ, и осуждаетъ ихъ на основаніи авторитета разума, хотя онъ самъ имѣетъ въ своихъ собственныхъ мнѣніяхъ и поступкахъ гораздо больше неразумнаго, чего онъ не замѣчаетъ и въ чемъ трудно, если не сказать, невозможно убѣдить его».

(Сказавши дальше, что это происходитъ не отъ самолюбія и не отъ воспитанія, и назвавши это нѣкотораго рода съумасшествіемъ, Локкъ приступаетъ къ объясненію того, отъ чего и какъ это происходитъ).

«Нѣкоторыя изъ нашихъ идей имѣютъ естественное сходство и связь между собою. Обязанность и совершенство нашего разума состоятъ въ приобрѣтеніи и сохраненіи идей въ томъ единствѣ и соотвѣтствіи, которое основано на частномъ существованіи предметовъ, къ которымъ онѣ относятся. Но существуетъ и другая связь идей, которая зависитъ единственно отъ случая или обычая, такъ что идеи, которыя абсолютно не имѣютъ никакой связи между собою, такъ крѣпко бываютъ соединены въ умахъ нѣкоторыхъ личностей, что чрезвычайно трудно раздѣлить ихъ. Онѣ всегда сохраняются въ умѣ вмѣстѣ и ни одна

изъ нихъ не возникаетъ въ немъ безъ того, чтобы тотчасъ не представилась и другая, ассоціированная съ нею; если соединилось такимъ образомъ болѣе двухъ идей, то всѣ онѣ слѣдуютъ вмѣстѣ неразрывно».

Это неразрывное сочетаніе идей, которыя не имѣютъ естественной связи, умъ создаетъ въ себѣ или произвольно, или случайно; отсюда происходитъ, что это сочетаніе бываетъ весьма различно у различныхъ личностей, смотря по различію ихъ наклонностей, воспитанія и интересовъ. Обычай создаетъ въ умѣ привычку мыслить извѣстнымъ образомъ, равно какъ направляетъ волю и тѣлесныя движенія.....

Что существуютъ такіа ассоціаціи идей, которыя создаетъ обычай въ умахъ большей части людей, я не думаю, чтобы въ этомъ могъ сомнѣваться тотъ, кто наблюдалъ надъ собою и другими людьми. Быть можетъ, по-справедливости можно отнести сюда большую часть симпатій и антипатій, которыя замѣчаются въ людяхъ и которыя дѣйствуютъ такъ сильно и производятъ столь регулярныя дѣйствія, что являются какъ-бы естественными; ихъ такъ и называютъ, хотя первоначально онѣ не имѣли другого происхожденія какъ случайную связь двухъ идей, которыя въ силу перваго впечатлѣнія или послѣдующей вольности такъ соединились, что всегда возникаютъ въ умѣ человѣка вмѣстѣ, какъ одна идея. Я говорю о большей части антипатій, а не о всѣхъ, ибо нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно естественны, зависятъ отъ нашей первоначальной конституціи и врождены намъ. Но если внимательно разобрать большую часть тѣхъ антипатій, которыя считаются естественными, то окажется, что онѣ произошли отъ незамѣченныхъ, хотя, быть можетъ, очень раннихъ, впечатлѣній или произвольныхъ фантазій, въ которыхъ и нужно искать ихъ оригиналъ. Взрослый человѣкъ, который неумѣренно поѣлъ мѣда, не можетъ слышать самаго слова «медъ» безъ того, чтобы его воображеніе не вызвало непосредственно въ немъ отвращеніе и тошноту;

онъ не можетъ выносить самаго представленія меда. Другія представленія отвращенія, тошноты, сопровождаая его, возникнуть *тотчасъ* вмѣстѣ съ нимъ и человѣкъ дѣлается совсѣмъ разстроеннымъ; но онъ знаетъ, откуда у него эта слабость, и можетъ сказать — какимъ образомъ произошло такое отвращеніе. Еще въ дѣтствѣ случилось ему съѣсть чрезмѣрно много мѣда и всѣ указанныя дѣйствія послѣдовали; причина теперь забыта и антипатія считается природною.

Я упоминаю объ этомъ не для того, чтобы этимъ показать точное различіе между естественными и пріобрѣтенными антипатіями; я дѣлаю это замѣчаніе для другой цѣли, именно: тѣ, которые имѣютъ дѣтей или занимаются ихъ воспитаніемъ, должны считать достойнымъ ихъ заботы оберегать юношей отъ неправильной связи идей и тщательно предупреждать ее. Этотъ періодъ жизни наиболѣе располагаетъ къ воспріятію прочныхъ впечатлѣній. Хотя благоразумные наблюдаютъ за тѣмъ, что относится къ здоровью тѣла, и борются; однако я склоненъ сомнѣваться въ томъ, что то, кто относится къ душѣ и направляетъ разсудокъ и страсти, менѣе обращаетъ на себя вниманіе, чѣмъ заслуживаетъ сущность дѣла; я даже подозреваю, что большая часть negliжируетъ тѣмъ, что относится непосредственно къ разсудку.

Дурная связь въ нашемъ умѣ идей, которыя не имѣютъ естественной связи и независимы одна отъ другой, имѣетъ такое вліяніе и такую большую силу направлять наши дѣйствія какъ нравственные, такъ и естественныя, страсти, умозаключенія и самыя понятія, что, быть можетъ, нѣтъ ничего другаго, что заслуживало бы больше нашего дальнѣйшаго разсмотрѣнія.

Примѣры: Идеи демоновъ и духовъ столько-же имѣютъ отношеніе къ темнотѣ, какъ и къ свѣту; но если глупая служанка натвердитъ ребенку въ уши и станетъ возбуждать двѣ идеи темноты и демоновъ вмѣстѣ, возможно, что онъ никогда въ про-

долженіи всей жизни не будетъ способенъ разъединить ихъ; темнота всегда будетъ вызывать эти страшныя идеи и онъ такъ сольются, что онъ не въ состояніи будетъ переносить ту и другую идею.

Если человѣку нанесено будетъ другимъ чувствительное оскорбленіе, то онъ будетъ думать объ оскорбившемъ его человѣкѣ и передумывать о его дѣйствіи. Думая объ этомъ сильно и много, онъ такъ соединитъ двѣ идеи вмѣстѣ, что какъ-бы сольетъ ихъ въ одну идею; онъ никогда не будетъ думать объ этомъ человѣкѣ, чтобы вмѣстѣ съ этимъ не думать о томъ неудовольствіи и страданіи, которое онъ перенесъ. Рѣдко удастся ему разграничить двѣ идеи; большею же частію въ немъ вызывается отвращеніе къ тому и другому (человѣку и страданію отъ обиды). Такъ порождается часто ненависть къ субъектамъ легкомысленнымъ и — по поводу случаевъ невиннаго свойства; благодаря этому распространяются и продолжаются въ мірѣ распри.

Если человѣкъ испыталъ горе или страданіе въ извѣстномъ мѣстѣ, если онъ видѣлъ умирающаго друга въ извѣстной комнатѣ, то хотя по-природѣ нѣтъ ничего общаго между тѣмъ и другимъ (комнатою и смертію друга), тѣмъ не менѣе идея мѣста, возникши въ его умѣ, вызоветъ (впечатлѣніе, разъ произведенное) горе и страданіе; онъ соединяетъ ихъ вмѣстѣ и послѣ не можетъ переносить ни той, ни другой (идеи).

Какъ-скоро установилось указанное сочетаніе, то, пока оно остается, разумъ не въ силахъ помочь намъ и освободить насъ отъ его дѣйствій. Пока идеи существуютъ въ нашемъ умѣ, онѣ дѣйствуютъ согласно съ своею природою и обстоятельствами. Въ этомъ мы видимъ причину, почему время исцѣляетъ такіе аффекты, противъ которыхъ разумъ не можетъ бороться, не смотря на всю справедливость и убѣдительность своихъ внушеній для тѣхъ, которые послушны ему въ другихъ случаяхъ. Смерть ребенка, который доставлялъ утѣшеніе и наслажденіе матери, от-

нимасть у ней все пріятное въ жизни и причиняетъ ей всевозможныя мученія. Попробуйте прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ убѣжденіямъ разума; вы скажете въ облегченіе горя хорошую, но обыкновенную проповѣдь и будете надѣяться облегчить при помощи умозрительныхъ разсужденій страданіе раздираемаго по частямъ. Пока время не отдѣлитъ постепенно указанное чувство удовольствія и его потери отъ идеи ребенка, возвращающейся въ памяти матери, до-тѣхъ-поръ будутъ тщетны всѣ представленія, какъ бы они ни были разумны; поэтому, лица, у которыхъ связь между идеями остается неразрывною навсегда, проводятъ въ горѣ всю свою жизнь и уносятъ его съ собою въ могилу.

Другъ моего знакомаго совершенно выздоровѣлъ отъ тяжелой болѣзни при помощи трудной и мучительной операціи. Выздоровѣвши такимъ образомъ, онъ во всю послѣдующую жизнь чувствовалъ величайшую благодарность и признательность къ оператору, считая это величайшею услугою, какую только можно получить. Но не смотря на эту благодарность и внушенія разума, онъ никогда не могъ переносить одного вида оператора. Образъ его возбуждалъ въ немъ идею того страданія, которое онъ перенесъ отъ его рукъ и которое было слишкомъ сильно и нестерпимо.

Многія дѣти, относя наказанія, которыя они терпѣли въ школѣ, къ книгамъ, которыя были поводомъ къ тому, такъ соединяютъ эти идеи, что чувствуютъ отвращеніе къ книгѣ и въ продолженіи всей послѣдующей жизни не чувствуютъ склонности къ ученію и чтенію книгъ, такъ что чтеніе, которое доставляетъ другимъ величайшее наслажденіе въ жизни, для нихъ дѣлается настоящимъ наказаніемъ. Есть комнаты, довольно удобныя, въ которыхъ нѣкоторые не могутъ учиться; есть сосуды, чистые и удобные, изъ которыхъ они не могутъ пить, — все это вслѣдствіе нѣкоторыхъ случайныхъ идей, соединенныхъ вмѣстѣ

и сдѣлавшихъ ихъ непріятными. Кто не встрѣчалъ людей, которые уничтожаются въ присутствіи или въ обществѣ нѣкоторыхъ личностей, такихъ, которыя не выше ихъ, но имѣли случай одержать вверху надъ ними? Идея авторитета и уваженія къ личности, которой они подчинились, такъ соединилась въ ихъ умѣ, что они не въ состояніи разъединить ихъ.

Примѣровъ такого рода чрезвычайно много...

Вліяніе ассоціацій идей на умственные привычки. Умственные привычки и недостатки, которые усваиваются тѣмъ же способомъ, столь-же часто встрѣчаются и такъ-же сильны, хотя и меньше подмѣчаются. Пусть идеи бытія и матеріи будутъ крѣпко соединены чрезъ воспитаніе или, еще лучше, чрезъ мышленіе; пока онѣ будутъ существовать въ умѣ вмѣстѣ, что за понятія и умозаключенія будутъ относительно отдѣльныхъ духовъ? Пусть съ идеею Бога обычай соединить съ самаго дѣтства фигуру и видъ, — къ какимъ нелѣпостямъ будетъ склоненъ умъ въ своихъ представленіяхъ о Богѣ? Пусть идея непогрѣшимости будетъ нераздѣльно соединена съ личностію и пусть эти двѣ идеи постоянно вмѣстѣ занимаютъ умъ; придется безъ разсужденій съ полною вѣрою принимать за несомнѣнную истину, что одно тѣло бываетъ въ одно и то-же время въ двухъ мѣстахъ, если воображаемая непогрѣшимая личность продиктуетъ это и потребуетъ согласія въ этомъ безъ изслѣдованія.

Тѣ-же нелѣпыя и неестественныя сочетанія идей найдутся въ основаніи непримиримой оппозиціи между различными сектами — философскими и религіозными. Ибо мы не можемъ представить себѣ, чтобы каждый изъ ихъ послѣдователей заблуждался по собственной волѣ и сознательно отвергалъ истину, основывающуюся на очевидности. Хотя въ этомъ случаѣ много значитъ интересъ, но нельзя же предполагать, чтобы цѣлое общество людей такъ было извращено, что всѣ до одного держатся ложныхъ убѣжденій противъ собственнаго сознанія, по-крайней-мѣрѣ нѣкоторые

должны преслѣдовать то, къ чему всѣ стремятся, т. е. искать истину чистосердечно. Слѣдовательно, должно быть нѣчто такое, что ослѣпляетъ ихъ разумъ и препятствуетъ имъ видѣть ложность того, что они принимаютъ за дѣйствительную истину. Если внимательно разобрать, что держитъ въ плѣну ихъ разумъ и ослѣпляетъ ихъ до-того, что заставляетъ поступать противъ здраваго смысла, то окажется то, о чемъ мы говорили; нѣкоторыя идеи, независимыя другъ-отъ-друга и неимѣющія никакой связи между собою, такъ тѣсно сплетаются въ ихъ умѣ чрезъ воспитаніе, обычай и постоянное употребленіе ихъ въ рѣчи со стороны членовъ партіи, что являются всегда вмѣстѣ; они не въ состояніи болѣе разъединять ихъ въ своихъ мысляхъ, принимая ихъ за одну идею; онѣ и дѣйствуютъ, какъ одна идея. Отсюда — галimatya вмѣсто здраваго смысла, нелѣпость вмѣсто доказательствъ, безсмысліе вмѣсто солидныхъ умозаключеній; это, какъ я сказалъ, основаніе величайшихъ заблужденій въ мірѣ; если оставить это безъ изученія, то оно будетъ наиболѣе опасно, такъ-какъ всюду, гдѣ это держится, препятствуетъ людямъ думать и изслѣдовать. Если двѣ вещи, сами по себѣ разъединенныя, представляются зрѣнію постоянно соединенными, то откуда вы начнете исправлять заблужденіе, касающееся двухъ идей, когда личности, которыя видятъ вещи такимъ образомъ, привыкли такъ соединять ихъ въ умѣ, что ставятъ одну изъ нихъ на мѣсто другой и, какъ я склоненъ думать, часто не воспринимая ихъ? Пока они находятся подъ вліяніемъ этого заблужденія, нѣтъ возможности убѣдить ихъ въ ихъ ошибкахъ; они смотрятъ на себя, какъ на ревностныхъ защитниковъ истины, между-тѣмъ-какъ они на дѣлѣ поддерживаютъ заблужденіе партіи. Смѣшеніе двухъ идей, между собою различныхъ, которыя въ ихъ умахъ по привычной связи дѣйствуютъ какъ одна идея, наполняетъ ихъ головы ложными взглядами и ихъ умозаключенія ложными выводами.

мыслотвореніе дѣлѣмъ-ненія-опъ . въ—нѣко отъвѣннѣтѣдооо галитоди . нѣн

Такого рода изслѣдованія не могли оставаться безслѣдными. Дѣйствительно, вліяніе трактата Локка отразилось въ философіи, наукѣ, литературѣ и жизни XVIII вѣка. Было бы слишкомъ долго останавливаться на этомъ вліяніи. Мы ограничимся здѣсь только нѣсколькими замѣчаніями.

Въ Англіи трактатъ Локка «Опытъ о человѣческомъ разумѣ» введенъ былъ въ курсъ университетскаго преподаванія; такимъ образомъ въ идеяхъ Локка воспиталось цѣлое молодое поколѣніе. Затѣмъ эти идеи настойчиво проводятся въ публику чрезъ литературу. Еще при жизни Локка трактатъ его былъ переведенъ на французскій языкъ (другомъ его Костомъ). Французскіе философы примкнули къ философіи Локка, пропагандировали и развивали его идеи. На первомъ планѣ распространялась ревностная проповѣдь о вѣротерпимости. Этой проповѣди положилъ начало Локкъ, который въ своихъ трактатахъ не разъ обращался къ этому вопросу. Основы для рѣшенія этого вопроса давалъ ему психологическій анализъ. Далѣе, проповѣдывались идеи гуманности. Психологическій анализъ разбивалъ разные предразсудки, раскрывая психическій процессъ происхожденія ихъ, а также ихъ несостоятельность и нелѣпость. Но ближе и нагляднѣе выразилось вліяніе психологическихъ изслѣдованій въ новой теоріи воспитанія, которую старались осуществить и на практикѣ. Начало этой теоріи положилъ Локкъ; за нимъ слѣдовали Руссо, Гельвецій и нѣкоторые другіе.

Свои идеи о воспитаніи Локкъ изложилъ въ небольшомъ трактатѣ— «Мысли о воспитаніи» (Thoughts on education. 1693), а также въ трактатѣ «Опытъ о человѣческомъ разумѣ». Мы видѣли, какъ Локкъ совѣтуетъ родителямъ и воспитателямъ не допускать въ дѣтяхъ такое сочетаніе идей, которое можетъ отозваться вредно въ ихъ послѣдующей жизни. Онъ же первый возсталъ противъ употребленія розогъ при воспитаніи дѣтей. «Употребленіе розогъ есть принадлежность рабской дисциплины, которая создаетъ раб-

скій характеръ», говоритъ онъ въ «Мысляхъ о воспитаніи»¹. Но главная реформа, которую желаетъ произвести Локкъ въ воспитаніи, состоитъ въ томъ, что оно должно согласоваться съ постепеннымъ естественнымъ ходомъ развитія физическихъ и душевныхъ силъ и способностей. Его вниманіе обращено прежде всего на физическое воспитаніе — «*Mens sana in corpore sano*». Далѣе, нравственное воспитаніе ребенка должно быть предметомъ особенной заботливости. Оно должно соответствовать естественному порядку развитія. Съ точки зрѣнія психологіи чувствъ ребенокъ прежде всего — эгоистъ. «Дѣти вообще хотятъ господствовать, говоритъ Локкъ, а это есть источникъ многихъ золъ»². Чувство справедливости не есть врожденная склонность. Но не чувство справедливости должно составлять главную заботу первоначальнаго нравственнаго воспитанія. Какъ противодѣйствіе эгоизму необходимъ авторитетъ. Сначала слѣдуетъ научить ребенка повиноваться, а потомъ дѣлать его другомъ. Особенно нужно стараться возбудить въ ребенкѣ чувство чести. По мнѣнію Локка, кто умѣетъ возбудить въ ребенкѣ чувство чести, тотъ нашелъ разгадку воспитанія³: чувство справедливости или соблюденіе правъ другихъ — слишкомъ абстрактное и возвышенное чувство; до него поднимается человекъ чрезъ развитіе въ себѣ чувства чести или уваженія своей собственной личности. Таковъ естественный ходъ развитія нравственныхъ чувствъ съ точки зрѣнія психологическаго анализа.

Тому-же естественному ходу развитія способностей должно соответствовать и умственное воспитаніе. Локкъ отвергъ существованіе въ ребенкѣ врожденныхъ идей. Такимъ образомъ, взглядъ на природу ребенка со стороны ума и его содержанія измѣнился; измѣнился также взглядъ и на развитіе умственныхъ способно-

¹ Some thoughts concerning education. § 46, 51.

² Ibid. § 32—36.

³ Ibid. § 52, 56.

стей. Локкъ требуетъ прежде всего развитія вѣшнихъ чувствъ. Съ этою цѣлю онъ представляетъ психологическій анализъ происхожденія простыхъ идей, образованія изъ нихъ идей сложныхъ и порядокъ, въ какомъ совершается это образованіе. Для него не безразлично стало то, въ какомъ порядкѣ обучать ребенка первоначальнымъ элементарнымъ наукамъ. Дѣти должны получать первыя представленія не чрезъ слова, а чрезъ самые предметы и ихъ образы. Раньше другихъ наукъ можно изучать географію, но не иначе, какъ по глобусу и картамъ. Рядомъ съ этимъ можно сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ астрономіи также при помощи небеснаго глобуса. Далѣе слѣдуетъ исторія. Физика или натуральная философія (ученіе о тѣлахъ) должна предшествовать пневматологіи (ученію о духахъ). Реторика, логика и другія абстрактныя науки не могутъ быть изучаемы въ раннемъ періодѣ научнаго образованія; да и въ болѣе позднемъ слѣдуетъ изучать такія науки, какъ реторика и логика, не по руководствамъ, а въ образцахъ, оставленныхъ намъ древними писателями, напр. Цицерономъ и друг.¹

¹ Почтенный фیزیологъ Сычевовъ не признаетъ того, чтобы въ психологіи сдѣланы были какія-нибудь научныя изслѣдованія. Для доказательства онъ прибѣгаетъ между прочимъ къ такого рода аргументаціи: «если взять любого изъ патентованныхъ психологовъ, наприм. какого-нибудь профессора психологіи, и спросить его по совѣсти, устраиваетъ ли онъ свою внутреннюю жизнь на основаніи данныхъ, выработанныхъ его наукою, или же руководствуется психологическими правилами, выработанными обыденною жизнію безъ проверки ихъ наукою, то всякій долженъ будетъ отвѣтить, что онъ живетъ на послѣдній ладъ. Да и можетъ ли быть иначе? Если-бы психологи жили по научному, то результаты ихъ образа жизни давно бы проникли въ публику, подобно тому, какъ въ нее проникаютъ свѣдѣнія, выработанныя гігіеною и діететикою, хотя эти науки принадлежатъ тоже къ крайне неразвитымъ». Лучшее опроверженіе этого мнѣнія можетъ представить исторія. Если-бы потребовалось указаніе на единичныя историческія личности, жившія по научному, то мы указали бы на Спинозу и Гоббса; но подобныя указанія едва-ли кого удовлетворили бы. Нужно изучить исторію философіи, наукъ, литературы XVIII вѣка, чтобы убедиться, въ какой степени тѣсно связаны новыя воззрѣнія философскія, научныя и литературныя съ психологическими анализами Локка и его послѣдователей.

Беркли. Открытіе Беркли, относящееся къ воспріятію нами разстоянія, величины предметовъ въ трехъ измѣреніяхъ и относительнаго положенія ихъ въ пространствѣ на-столько извѣстно, что мы не будемъ долго останавливаться на немъ. Это открытіе опубликовано Беркли въ 1709 году въ сочиненіи «Новая теорія зрѣнія» и состоитъ въ слѣдующемъ:

Разстояніе, величина предметовъ въ трехъ измѣреніяхъ и относительное положеніе ихъ въ пространствѣ не составляютъ прямого, непосредственнаго объекта нашего зрѣнія. Все, съ чѣмъ первоначально знакомитъ насъ зрѣніе, — извѣстныя модификаціи свѣта. Величину и разстояніе предметовъ мы узнаемъ сначала посредствомъ осязанія. Но ощущенія осязательныя испытываются нами вмѣстѣ съ извѣстными впечатлѣніями свѣта. Отсюда между ними образуется тѣсная ассоціація, такъ-что каждый разъ зрительныя ощущенія воспроизводятъ связанныя съ ними осязательныя идеи, и это совершается такъ неизмѣнно и быстро, что сложное цѣлое кажется намъ однимъ простымъ впечатлѣніемъ зрѣнія¹:

Колье въ статьѣ, указанной нами въ началѣ нашего историческаго очерка, переходя къ открытію Беркли, говоритъ: «если прослѣдить происхожденіе его, то, вѣроятно, найдется, что толчекъ ему данъ открытіями вѣка». Сюда, по его мнѣнію, относятся: открытіе закона преломленія, сдѣланное Снеллемъ въ 1624 году, открытіе Ньютономъ составныхъ частей свѣта въ 1674 году, доказательство поляризаціи свѣта Гюйгенса въ 1692 году и объясненіе структуры глаза Петитомъ въ 1700 году.

Ближайшій толчекъ вышеуказанному психологическому анализу Беркли данъ былъ, по-видимому, «Опытомъ о человѣческомъ разумѣ» Локка и въ-частности приведеннымъ здѣсь вопросомъ, который предложенъ былъ Локку другомъ его, физикомъ и астро-

¹ Смирновъ, «Философія Беркли». *Троицкій*, «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи».

номомъ Молинё (Molynеux). Послѣдній въ одномъ изъ писемъ спрашиваетъ Локка: слѣпорожденный, умѣющій различать посредствомъ осязанія кубъ и шаръ изъ одного и того-же металла, можетъ ли, по возвращеніи зрѣнія, различить ихъ лишь зрѣніемъ, не прибѣгая къ осязанію. Самъ Молинё далъ отвѣтъ отрицательный, съ которымъ согласился и Локкъ¹.

Неизлишне замѣтить, что Молинё былъ титоромъ въ Trinity College въ Дублинѣ, когда Беркли поступилъ въ дублинскій университетъ, такъ-что могло быть и непосредственное вліяніе Молинё на Беркли.

¹ Essays. Book II. Chap. 9.

¹ Observations on some Chap. I.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гертли и Бонне.

Естественно-научныя изслѣдованія Ньютона не остались безъ вліянія на психологію; этотъ новый шагъ въ развитіи естествознанія немедленно отразился на психологическихъ изслѣдованіяхъ. Мы говоримъ о психологическихъ изслѣдованіяхъ англійскаго врача Гертли, изложенныхъ въ его сочиненіи — «О человѣкѣ» (On man, his frame, his duty and his expectations 1749) и его послѣдователей — Бельшама, Пристли и Дарвина, а также — объ изслѣдованіяхъ женевского ученаго Бонне (Bonnet), изложенныхъ въ его сочиненіи — «Аналитическій опытъ о способностяхъ души» (Essai analytique sur les facultés de l'ame), и другихъ, сюда относящихся.

Обратимся къ психологическимъ изслѣдованіямъ Гертли.

Въ началѣ своего сочиненія «О человѣкѣ» Гертли говоритъ слѣдующее: «мой главный предметъ состоитъ въ томъ, чтобы объяснить, упрочить и примѣнить ученіе о вибраціяхъ и ассоціаціяхъ. Первое изъ этихъ ученій взято изъ тѣхъ соображеній, которыя высказаны Ньютономъ въ концѣ его «Principia» и въ «Вопросахъ», присоединенныхъ имъ къ «Оптикѣ». Второе — изъ того, что написано Локкомъ и другими до настоящаго времени о вліяніи ассоціацій на наши мнѣнія и аффекты и приложеніи ихъ къ точному и отчетливому объясненію того, что относится къ привычкѣ и обычаю»¹.

¹ Observations on man. Chap. 1.

Такимъ образомъ, Гертли самъ раскрываетъ передъ нами исторію происхожденія своего психологическаго труда и свидѣтельствуесть о зависимости его психологическихъ изслѣдованій а) отъ психологическихъ изслѣдованій своего предшественника Локка, и б) естественно-научныхъ изслѣдованій Ньютона.

Мы уже знаемъ, что ассоціаціи очень рано обратили на себя вниманіе психологовъ новаго времени. По другимъ изслѣдованіямъ, ученіе о нихъ находится уже у Оомы Аквинскаго въ его комментаріяхъ на «*Parva naturalia*» Аристотеля, а также и у другихъ послѣдователей Аристотеля — Меланхтона, Асиммербаха и Вивеса. Въ древности мы встрѣчаемся съ этимъ ученіемъ у Платона и Аристотеля. Философы XVII вѣка видѣли въ ассоціаціяхъ законъ необходимости, дѣйствующій въ психической жизни; а это вызывало надежду на то, что психологія можетъ быть положительною наукою. Но Гоббсъ обратилъ вниманіе по преимуществу на ассоціаціи между представленіями и изучалъ только послѣдовательныя ассоціаціи. Спиноза отмѣчаетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ ассоціаціи между представленіями и аффектами, что даетъ ему возможность объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ безотчетныхъ антипатій и нѣкоторыхъ національных и религіозныхъ предрасудковъ. Какъ мы видѣли, Локкъ занимается объясненіемъ тѣхъ-же безотчетныхъ антипатій и симпатій, раскрываетъ происхожденіе обычаевъ и привычекъ и ихъ вліяніе на наше міровоззрѣніе. Бельшамъ указываетъ еще на Гэя (Gay), который, въ своемъ сочиненіи «О добродѣтели», выводитъ изъ ассоціацій нравственныя чувства.

Но, по-видимому, никто изъ упомянутыхъ нами предшественниковъ Гертли не имѣлъ идеи о всеобщности принципа ассоціацій въ психической жизни. На этомъ основаніи нѣкоторые считаютъ Гертли основателемъ школы ассоціационалистовъ въ психологіи.

Законъ ассоціацій распространяется, по Гертли, на а) ощущение, б) идеи и в) мускульныя движенія.

а) Ощущеніе можетъ быть ассоціровано съ другимъ ощущеніемъ, съ идеею и мускульнымъ движеніемъ.

Если ощущение ассоціруется съ другимъ ощущеніемъ, то оно вызоветъ не ощущение, а идею, соотвѣтствующую ощущенію. Такимъ образомъ названія вызываютъ идеи видимыхъ предметовъ; напр. съ словомъ «яблоко» ассоціровались у насъ ощущенія цвѣта, фигуры и вкуса яблока; когда это слово долетаетъ до нашего слуха, то вызываетъ въ насъ идеи цвѣта, фигуры и вкуса яблока, но отнюдь не ощущенія, для котораго необходимъ самый предметъ.

Необходимо замѣтить здѣсь, что ощущенія напечатлѣваются двояко: или одновременно въ-совокупности, или въ послѣдовательномъ порядкѣ. Отсюда происходитъ, что и ассоціаціи бываютъ или одновременныя или послѣдовательныя. Напр. слово «апельсинъ» напечатлѣвается одновременно съ внѣшними признаками: цвѣтомъ, запахомъ и другими качествами; въ этомъ случаѣ слово «апельсинъ» вызоветъ въ насъ одновременно соотвѣтствующія идеи всѣхъ качествъ апельсина. Это — ассоціація одновременная (синхронистическая). Если же впечатлѣнія происходятъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, напр. при изученіи буквъ въ азбукѣ, то и ассоціація будетъ послѣдовательная, т. е. первое вызоветъ второе, второе — третье и т. дал.

Тѣ изъ ассоціацій наиболѣе легко образуются и наиболѣе долго остаются, въ которыхъ участвовали чувства удовольствія или страданія, въ значительной степени возбужденныя.

Если одно и то-же ощущение ассоціровалось съ другими различными ощущеніями, то впоследствии, когда оно будетъ вызвано, вызоветъ въ насъ всѣ остальные; эти послѣднія будутъ возрастать постепенно и образуютъ одну сложную идею. Послѣдовательныя ассоціаціи не могутъ сростаться такъ, какъ

синхронистическія; но и онѣ обнаруживаютъ явное стремленіе къ этому; промежутки между идеями сокращаются, когда ассоціація дѣлается болѣе привычною. Напр. новая музыкальная піеса кажется намъ очень длинною, потому что не образовались еще ассоціаціи; когда же мы свыкнемся съ нею, то умъ нашъ моментально пробѣгаетъ всю піесу.

Послѣ этихъ замѣчаній будемъ продолжать обзоръ ассоціацій.

Ощущеніе ассоціируется, далѣе, съ идеею. Въ этомъ случаѣ оно вызоветъ идею. Напр. слова — герой, философъ, справедливость, истина и проч. вызовутъ соотвѣтствующія идеи.

Наконецъ, ощущеніе ассоціируется съ мускульнымъ движеніемъ. Тогда оно вызоветъ это движеніе безъ внимательства воли. Человѣкъ механически обращается къ тому, кто назоветъ его по имени; запахъ пищи вызоветъ актъ глотанія; взглядъ на музыкальныя ноты управляетъ пальцами музыканта.

б) Въ свою очередь, идея ассоціируется, во-первыхъ, съ ощущеніемъ. Въ такомъ случаѣ она вызоветъ не ощущеніе, а идею, соотвѣтствующую ощущенію. Напримѣръ, идея снѣга можетъ вызвать идею бѣлаго цвѣта; идея вышаго управленія вызоветъ идею царя.

Во-вторыхъ, идея ассоціируется съ идеею и тогда вызоветъ послѣднюю; наприм. идея трусливости вызоветъ идею стыда, идея религіи — идею будущей жизни.

Въ-третьихъ, идея ассоціируется съ мускульнымъ движеніемъ; тогда она вызоветъ это движеніе; наприм. идея желанія чего нибудь вызоветъ произвольное движеніе; страхъ вызоветъ дрожаніе членовъ; радость вызоветъ соотвѣтствующее выраженіе лица.

в) Мускульное движеніе также ассоціируется: 1) съ ощущеніемъ, 2) съ идеею и 3) съ мускульнымъ движеніемъ.

Мускульное движеніе, достаточно ассоціированное съ ощущеніемъ, вызоветъ простую идею, соотвѣтствующую ощущенію; наприм. танцы вызовутъ идею музыки, которая сопровождала танцы.

Мышечное движение, ассоциированное съ идеею, вызоветъ эту идею; наприм. гимнастика вызоветъ идею здоровья.

Мышечное движение, достаточно ассоциированное съ другимъ мышечнымъ движениемъ, вызоветъ это движение. Эти ассоціаціи бываютъ или одновременныя или послѣдовательныя. Одновременное движение ногъ и рукъ при ходьбѣ составляетъ примѣръ перваго рода; движенія губъ при разговорѣ или движенія ногъ при ходьбѣ — примѣры второго рода.

«Отсюда слѣдуетъ, говоритъ Гертли, что все ученіе объ ассоціаціяхъ можетъ быть заключено въ слѣдующей теоремѣ: Если ощущеніе А, идея В, мышечное движение С достаточно ассоциированы съ ощущеніемъ D, другою идеею Е и другимъ мышечнымъ движениемъ F, то они вызовутъ простую идею, относящуюся къ ощущенію D, идею Е и мышечное движение F»¹.

Сочиненіе Гертли «О человѣкѣ» явилось въ 1749 г. Раньше его — въ 1738 г. издано сочиненіе Юма подъ заглавіемъ «Трактатъ о человѣческой природѣ», заключающее въ себѣ важное ученіе объ ассоціаціяхъ. Въ этомъ сочиненіи Юмъ дѣлаетъ попытку классифицировать принципы ассоціацій. По его мнѣнію, существуютъ три принципа ассоціацій: принципъ сродства, принципъ смежности въ пространствѣ и времени и принципъ причины и дѣйствія. Что эти принципы служатъ для ассоціацій между идеями, это не подлежитъ сомнѣнію: портретъ естественно направляетъ нашу мысль къ оригиналу; мысль объ одной части строенія естественно приводитъ къ мысли о другихъ частяхъ. Если мы думаемъ о ранѣ, то можемъ тотчасъ перейти къ мысли о боли, которая есть слѣдствіе раны. Существуетъ еще четвертый принципъ связи между идеями, именно — принципъ контраста. Но, по мнѣнію Юма, его можно разсматривать, какъ соединеніе двухъ, указанныхъ уже, принциповъ: сродства и причины.

¹ Observations on man. Part 1. Chap. 1, sect. 2 и sect. III, propos. XX. Belsham, Elements of the philosophy of the mind. Chap. III, sect. 2 и 3

Если два предмета противоположны, то одинъ изъ нихъ уничтожаетъ другой, т. е. причина уничтоженія или идея уничтоженія одного предмета утверждаетъ идею существованія другого¹.

Нѣкоторые изъ писателей (Renouvier и Pilon), на основаніи вышеизложеннаго, считаютъ Юма (а не Гертли) основателемъ школы ассоціационалистовъ въ психологіи. Но противники ихъ указываютъ на другое сочиненіе Гертли подъ заглавіемъ — «Объ ощущеніи, движеніи и происхожденіи идей» (*Conjecturae quaedam de sensu, motu et idearum generatione*), въ которомъ изложено основное ученіе объ ассоціаціяхъ и которое написано было раньше сочиненія «О человѣкѣ». Къ сожалѣнію, неизвѣстно, когда именно написано это небольшое сочиненіе, такъ-что при помощи его нельзя доказать хронологическими данными то, что желаютъ доказать. Остается несомнѣннымъ одно: идея всеобщности закона ассоціацій въ психической жизни «была въ то время, какъ говорится, въ воздухѣ» (употребляемъ выраженіе извѣстнаго писателя Рибо). Дѣйствительно, открытіе всеобщаго тяготѣнія, сдѣланное Ньютономъ, возбудило надежду на то, что такъ-же будетъ раскрыта и тайна духовнаго міра, какъ раскрылась тайна міра физическаго. Законы духовнаго міра должны быть такъ-же общи и просты, какъ и законы міра физическаго. Эта идея видна уже у Локка. Ею особенно воодушевлены были Юмъ и Гертли. «Астрономы, говоритъ Юмъ, долго стремились къ тому, чтобы раскрыть при помощи явленій истинное движеніе, порядокъ и величину небесныхъ тѣлъ; наконецъ, явился философъ, который удачнымъ умозаключеніемъ опредѣлилъ, кажется, законы и силы, управляющіе движеніями и направляющіе ихъ. То-же мы видимъ и въ другихъ областяхъ природы. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ такомъ-же успѣхѣ нашихъ изслѣдованій умственныхъ способностей и экономіи, если только онѣ будутъ сдѣланы съ одинаковымъ дарованіемъ и осмотрительностію».

¹ Essays. Tome II, sec 1. 3.

«Вѣроятно, продолжаетъ онъ, одни операціи и принципы ума зависятъ отъ другихъ; а эти въ свою очередь могутъ быть сведены къ болѣе общимъ и универсальнымъ операціямъ и принципамъ»¹. Очевидно отсюда, подъ какимъ вліяніемъ Юмъ предпринимаетъ поиски универсальныхъ операцій и принциповъ нашего духа. Исслѣдованія предшественниковъ подготовили уже почву для этихъ изысканій, какъ она подготовлена была и для изысканій Ньютона. При помощи ассоціацій не разъ удавалось предшествующимъ философамъ объяснить непонятныя психическія явленія, каковы: безотчетныя симпатіи и антипатіи, предразсудки и проч. Новые анализы вѣры вообще и въ-частности вѣры въ существованіе внѣшняго міра и другіе, произведенные самимъ Юмомъ, убѣждали его въ томъ-же. Трудно было удержаться отъ заключенія, что ассоціаціи представляютъ собою тотъ общій законъ, который дѣйствуетъ и во всѣхъ операціяхъ нашего духа. Это заключеніе и сдѣлано Юмомъ. «Принципы ассоціацій могутъ, говоритъ онъ, быть приняты, какъ общій законъ, имѣющій мѣсто во всѣхъ операціяхъ духа»².

Но есть и существенная разница въ ученіи Юма и Гертли объ ассоціаціяхъ. Юмъ признаетъ ассоціаціи какъ первичный, неразложимый и ни откуда не выводимый фактъ психической жизни, который отличается характеромъ всеобщности. Гертли признаетъ всеобщность закона ассоціацій въ психической жизни; но не отказывается отъ попытки раскрыть его производность.

Гертли ищетъ начало и основаніе ассоціацій не въ духѣ, а въ нашей организаціи и въ-частности въ нервной системѣ и мозгѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые свойства ассоціацій непосредственно ведутъ къ тому заключенію, что естественнѣе искать основаніе ихъ въ организаціи, чѣмъ въ духѣ. Эти свойства — механичность, къ которой сводятся ассоціаціи, и повтореніе, какъ

¹ Essays. Vol. II, sect. 1, въ концѣ.

² Ibid. Sect. V, part 2.

условіе ихъ образованія. Предполагается, что не духъ, а тѣло нуждается въ этихъ свойствахъ. При томъ извѣстно, что ассоціаціи нерѣдко переходятъ изъ сознательныхъ въ безсознательныя: таковы — мускульныя движенія вторично-автоматичныя. Онѣ совершаются не только безъ всякаго вмѣшательства воли, но и безъ всякаго сознанія. Очевидно, что онѣ держатся и продолжаютъ дѣйствовать въ области чисто органической.

Гертли первый обратилъ вниманіе на ассоціаціи мускульныхъ движеній, указавши имъ мѣсто въ общей системѣ ассоціацій.

Мускульныя движенія бываютъ или оригинально автоматичныя, полупроизвольныя, совершенно произвольныя, или же вторично автоматичныя. Посмотримъ, въ какомъ отношеніи находятся все эти виды движеній.

Движенія вторично-автоматичныя такъ названы въ противоположность движеніямъ оригинально-механическимъ, съ которыми они по существу сходны. Процессъ образованія ихъ таковъ, что первоначально движенія оригинально-механическія переходятъ въ произвольныя, потомъ изъ произвольныхъ снова переходятъ въ механическія или автоматичныя, почему удобно назвать ихъ вторично-автоматичными. Пальцы ребенка, которые сгибаются каждый разъ, какъ получается впечатлѣніе на ладонь, выполняютъ актъ схватыванія въ-силу примитивнаго механизма. Положимъ, что этотъ актъ схватыванія часто повторяется на игрушкѣ. Видъ игрушки ассоціируется съ актомъ хватанія и будетъ вызывать этотъ актъ; а частое упражненіе облегчитъ и сдѣлаетъ его свободнымъ. Положимъ, что рядомъ съ этимъ повторяется слово: «хватай», «держи въ рукѣ». Этимъ путемъ создается другая ассоціація; слова — «хватай», «держи въ рукѣ» ассоціируются съ актомъ. Актъ хватанія дѣлается произвольнымъ и совершается свободно по волѣ всякій разъ, какъ до слуха достигаетъ указанное слово — «хватай». Когда-скоро это достигнуто, произвольное движеніе способно перейти и переходить въ движеніе меха-

ническое второго порядка. Когда нужно, субъектъ выполняетъ движеніе безъ сознанія и безъ вмѣпательства сознательной воли. Наглядно это обнаруживается въ игрѣ на фортепіано¹.

Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ ассоціацій на почвѣ физической, или организаціи, Гертли воспользовался теорією вибрацій, предложенною Ньютономъ.

Теорія вибрацій связана съ гипотезою существованія ээира. Эта гипотеза заимствована Ньютономъ у Декарта. Послѣдній въ принципѣ признавалъ матерію инертною; но при объясненіи явленій механическихъ и физическихъ пришелъ къ необходимости гипотетически допустить существованіе ээира или весьма тонкой, всюду распространенной, жидкости. Ээиръ отличается, по ученію Декарта, чрезвычайною упругостію. Это свойство ээира съ другимъ свойствомъ — неодинаковою плотностію давало въ результатѣ движеніе, котораго нельзя было вывести изъ инерціи матеріи. Ньютонъ пришелъ къ той-же необходимости допустить существованіе ээира въ-виду другихъ затрудненій при объясненіи міровыхъ явленій, именно: онъ открылъ силу, движущую небесныя тѣла; но не могъ представить себѣ, чтобы эта сила могла дѣйствовать чрезъ пустое пространство на далекомъ разстояніи; поэтому, думалъ, согласно съ Декартомъ, что это пространство занято ээиромъ, чрезъ который сообщается тѣламъ сила тяготѣнія. Дѣйствію того-же ээира онъ приписывалъ потомъ и другія явленія, какъ-то: явленія притяженія и отталкиванія тѣлъ вообще, истеченіе свѣта, отраженіе и преломленіе его, явленія электричества и проч.

Перечисливши всѣ виды дѣйствія ээира въ концѣ своихъ «Principia», Ньютонъ прибавляетъ: «всѣ ошущенія возбуждаются и члены животныхъ движутся по направленію воли при помощи вибрацій той-же спиритуальной субстанціи; эти вибра-

¹ Observations on man. Chap. 1, sect. 3, proposit. 21.

ціи распространяются отъ внѣшнихъ органовъ чувствъ чрезъ твердыя волокна нервовъ до мозга и потомъ отъ мозга въ мускулы»¹. Въ вопросахъ, присоединенныхъ къ его «Оптикѣ», ставитъ онъ въ числѣ другихъ такой вопросъ: «различные цвѣта не слѣдуетъ ли объяснять различными видами вибрацій ээира въ сѣтчатой плевѣ глаза, распространяющихся въ волокнахъ зрительныхъ нервовъ и причиняющихъ въ мозгу ощущение зрѣнія?»².

Въ послѣднемъ мѣстѣ форма вопроса не должна быть истолкована въ томъ смыслѣ, что Ньютонъ какъ-бы сомнѣвался въ приложимости теоріи вибрацій вообще къ объясненію физической стороны ощущений. Такое толкованіе устраняется мѣстомъ изъ «Principia», гдѣ Ньютонъ выражается въ формѣ утвердительной. Вопросъ «Оптики» касается частнаго пункта. Фактъ тотъ, что при помощи одного чувственного органа — зрѣнія мы воспринимаемъ различные цвѣта. Спрашивается: какъ объяснить это явленіе? Ньютонъ склоняется, какъ можно судить по постановкѣ вопроса, на сторону того объясненія, по которому это различіе происходитъ вслѣдствіе различныхъ видовъ вибрацій. Но возможно и существовало другого рода объясненіе указаннаго факта, именно: это различіе зависитъ отъ устройства чувственного органа, какъ это мы видѣли у Лейбница, какъ то-же увидимъ и у другихъ.

Вспомнимъ теорію животныхъ духовъ Декарта. Она продолжала существовать до Ньютона и, какъ мы можемъ предполагать, была извѣстна ему; даже болѣе — имѣла вліяніе на его собственную теорію; его теорія была лишь видоизмѣненіемъ теоріи Декарта. Примѣръ такого мыслителя-спиритуалиста, какъ Декартъ, побуждалъ Ньютона къ продолженію изслѣдованій въ указанномъ направленіи. По-видимому, Ньютонъ не опасался

¹ Principia. Scholium generale.

² Optice. Quaestiones.

того, что заподозрять его въ матеріалистическихъ тенденціяхъ. Дѣйствительно, Ньютонъ не имѣлъ такихъ тенденцій. Ихъ не имѣлъ и Гертли, который воспользовался теоріей вибрацій Ньютона при объясненіи психическихъ явленій. Вотъ что говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи: «нужно знать, что, приписывая образование ощущеній вибраціямъ, возбуждаемымъ въ мозговой субстанции, я не имѣю намѣренія ни утверждать, ни настаивать на томъ, что матерія можетъ быть одарена способностію ощущенія. Обыкновенно во всѣхъ системахъ предполагается движеніе, которое соизвѣствуетъ ощущенію; равнымъ образомъ тѣлесные предметы должны своимъ дѣйствіемъ впечатлѣвать нѣкоторые движенія въ нашемъ тѣлѣ и, въ-частности, въ той части, которая имѣетъ отношеніе къ ощущающему принципу, т. е. въ мозговой субстанции. Слѣдовательно, я иду по слѣдамъ медиковъ и философовъ»¹. Гертли ссылается далѣе на философовъ-спиритуалистовъ — Декарта, Лейбница, Мальбранша и говоритъ: «мой общій планъ имѣетъ самое близкое отношеніе къ ихъ плану»².

Теперь познакомимся съ теорією вибрацій, какъ она изложена у Гертли.

Нервы представляютъ продолженіе мозговой субстанции. Впечатлѣнія, произведенныя на органы чувствъ, производятъ въ молекулахъ нервовъ вибраціи, которыя распространяются до мозга и возбуждаютъ вибраціи въ молекулахъ соотвѣтствующей части мозговой субстанции. Эти вибраціи возбуждаютъ въ перципирующемъ субъектѣ ощущеніе, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока продолжаются вибраціи, т. е. пока предметъ продолжаетъ дѣйствовать на чувственный органъ; когда же предметъ бываетъ устраненъ, вибраціи постепенно ослабѣваютъ.

Мозговая субстанція, разъ подвергшаяся вибраціямъ въ извѣстномъ направленіи, не возвращается вполне въ ея первона-

¹ Observat. on man. Chap. I, Sect. I, proposit. 5.

² Ibid. Sect. 3, proposit. 21.

чальное естественное состояніе; а остается предрасположенною къ вибраціямъ того, а не другаго рода. Это стремленіе мозга къ повторенію извѣстныхъ вибрацій и есть причина сохраненія идеи при отсутствіи оригинала.

Повтореніе вибрацій снова вызываетъ представленіе; но повторенная вибрація менѣе сильна, чѣмъ первоначальная; назовемъ ее *vibraciuuncula* или малою вибраціей; повторенное представленіе соотвѣтствуетъ тому, что мы называемъ идеею.

Вибраціи могутъ повторяться не только чрезъ повтореніе вышнихъ впечатлѣній, но и чрезъ ассоціаціи или соединеніе ихъ между собою. Если изъ вибрацій, ассоціированныхъ между собою, одна бываетъ возбуждена, то возбудитъ и остальные всѣ въ маломъ видѣ. Такимъ образомъ, гипотеза вибрацій въ состояніи дать достаточное объясненіе явленій ассоціаціи идей.

Нервы раздѣляются на два разряда: чувствительные и двигательные. Тѣ и другіе берутъ свое начало съ мозговой субстанціи и ихъ вибраціи вліяютъ другъ на друга и видоизмѣняютъ одинъ другія. Поэтому, мускульныя движенія ассоціируются съ ощущеніями и идеями, и на-оборотъ — ощущенія и идеи производятъ мускульныя движенія.

Вибраціи въ чувствующемъ нервѣ, будучи возбуждены чрезъ впечатлѣніе отъ вышняго предмета и распространяясь до мозга, сообщаютъ вибраціи соотвѣтствующему двигательному нерву и такимъ образомъ производятъ мускульное движеніе.

Равнымъ образомъ, мозгъ, вибрируемый достаточное число разъ въ извѣстномъ направленіи, имѣетъ стремленіе вибрировать въ томъ-же направленіи; такимъ образомъ, чрезъ ассоціацію малая двигательная вибрація производится такъ-же, какъ и чувствительная того-же рода и т. д.

Словомъ, излагаемая теорія предполагаетъ, что ощущеніе, идеи и мускульное движеніе соотвѣтствуютъ извѣстному состоянію моз-

та, подвергнутого вибраціямъ, такъ-что одни могутъ быть разсматриваемы, какъ указатели другихъ¹.

Въ началѣ сочиненія Гертли говоритъ, что «ассоціаціи можно разсматривать, какъ дѣйствія вибрацій, и вибраціи, какъ причины ассоціацій»². Но мы уже видѣли, что въ этомъ нельзя усматривать матеріалистическихъ тенденцій въ сочиненіи Гертли. Въ этомъ выразилось естественное въ школѣ стремленіе найти путь къ приложенію математическаго метода въ области психологіи. Причинная зависимость явленій, на которую указываетъ Гертли, есть зависимость условная и относительная, а не абсолютная. Послѣ объясненія, что матерія не одарена способностію ощущенія, Гертли говоритъ, что тѣмъ не менѣе движеніе необходимо сопровождаетъ каждое ощущеніе. Если будетъ доказано, что движеніе и ощущеніе эквивалентны и пропорціональны, то приложеніе математики къ психологіи вполне возможно. Въ такомъ случаѣ знаніе одного даетъ уже знаніе и другого. Изученіе должно быть направлено на ту сторону, которую легче изучить. «Это можно объяснить, говоритъ Гертли, слѣдующимъ примѣромъ: количество матеріи въ тѣлахъ всегда пропорціонально ихъ тяжести; слѣдовательно, мы можемъ разсматривать количество матеріи, какъ причину тяжести, или тяжесть, какъ причину количества матеріи, смотря по тому, которое изъ двухъ можетъ быть лучше доказано. Такимъ-же образомъ, если вѣроятные аргументы доказываютъ, что тотъ видъ движенія, который мы называемъ вибраціями, сопровождаетъ всѣ ощущенія, всѣ идеи и всѣ движенія и онѣ пропорціональны, то мы свободны разсматривать его, какъ причину ощущеній, идей и движеній, или на-оборотъ — эти, какъ причину вибрацій, смотря по тому, что изъ нихъ болѣе согласно съ нашимъ изслѣдова-

¹ Observat. on man. Part. 1, chap. 1. *Belsham*, Elements of the philosophy of the mind. Chap. III, sect. 4.

² Observat. on man. Chap. 1.

ніемъ, хотя и невозможно открыть — какимъ образомъ вибраціи производятъ ощущенія, идеи и движенія или соединены съ ними, именно потому, что вибраціи тѣлесны, а ощущенія и идеи духовны»¹.

Гертли казалось, что многое говоритъ въ пользу вѣроятности его теоріи вибрацій.

1) Впечатлѣнія, производимыя на чувственные органы, вибраціонны. Есть основаніе предполагать, что вибраціонныя дѣйствія свѣта, воздуха или другой среды звука возбуждаютъ соотвѣтствующія вибраціи — прямо или непрямо — въ малыхъ частицахъ зрительнаго и слухового нервовъ. Вибраціи нерва, распространяясь до мозга, производятъ соотвѣтствующее дѣйствіе въ мозговой субстанціи. По аналогіи разумно думать, что впечатлѣнія, сдѣланныя на чувства менѣе совершенныя (вкусъ, обоняніе), производятъ вибраціи въ соотвѣтствующихъ нервахъ.

2) Гипотеза вибрацій простымъ и легкимъ способомъ объясняетъ многія явленія человѣческаго духа, которымъ другого объясненія, одинаково удовлетворительнаго, не было предложено, а именно:

а) Она объясняетъ, кромѣ ощущеній, память и воспоминаніе.

б) Она удовлетворительно объясняетъ интересныя явленія, относящіяся къ законамъ ассоціацій.

в) Она объясняетъ продолжительность ощущеній въ тѣхъ случаяхъ, когда впечатлѣнія необыкновенно живы, напр. въ случаѣ пристальнаго смотрѣнія на сильный свѣтъ. Когда вибраціи необыкновенно сильны, то онѣ обыкновенно продолжаются и послѣ того, какъ предметъ пересталъ дѣйствовать.

г) Она объясняетъ явленія сна. Теплота расширяетъ кровь и сосуды въ головѣ. Противодѣйствіе черепа производитъ дав-

¹ Observat. on man. Chap. 1, sect. 1, propos. 5.

леніе на мозгъ. Такимъ образомъ, вибраціи встрѣчаютъ препятствіе; ощущенія постепенно прекращаются и наступаетъ сонъ¹.

д) Она благопріятна для объясненія сновидѣній и съумасшествія. Въ первомъ случаѣ безпорядокъ въ мозговой субстанціи, произведенный давленіемъ сосудовъ, производитъ безпорядокъ и въ умственныхъ способностяхъ; устраненіе внѣшнихъ предметовъ увеличиваетъ трудность различенія между ощущеніями и идеями. Во второмъ случаѣ болѣзненное состояніе мозга дѣлаетъ идеальныя вибраціи одинаково сильными съ первоначальными чувственными и такимъ образомъ идеи ложно принимаются за ощущенія. На основаніи того-же принципа можно легко объяснить многіе рассказы о сверхъестественныхъ явленіяхъ.

ж) Она объясняетъ просто явленія пріятныхъ и непріятныхъ чувствъ. Умѣренные вибраціи причиняютъ удовольствіе, а чрезмерныя — неудовольствіе. Отсюда ощущеніе, пріятное въ умѣренной степени, дѣлается непріятнымъ, когда возрастаетъ выше извѣстныхъ предѣловъ, напр. ощущеніе теплоты.

з) Отсюда мы можемъ также объяснить удовольствіе, которымъ сопровождается воспоминаніе страданія, испытаннаго раньше, воспоминаніе опасности, болѣзни и проч. Сильныя вибраціи, которыя причиняли страданіе, со-временемъ умѣрились до предѣловъ удовольствія².

Послѣдователями Гертли считаются Пристли, Бельшамъ и Дарвинъ. Каждый изъ нихъ повторялъ вслѣдъ за Гертли и теорію вибрацій. Но, по-видимому, первоначальное увлеченіе этою

¹ Замѣчательный случай съ парижскимъ нищимъ приведенъ Гертли, какъ аргументъ для доказательства того, что мозгъ во время сна испытываетъ давленіе. Этотъ нищій имѣлъ на черепѣ сѣкажину; отсюда чрезъ давленіе на внутреннюю область мозга со-внѣ экспериментируемый впадалъ въ сонъ. Этотъ сонъ усиливался съ увеличеніемъ нажима и наконецъ сонный впадалъ во временную апoplexію.

² Observ. Part 1. Chap. 1. *Belsham*, Elements of the philos. of the mind. Chap. III, sect. 4.

теоріей начало ослабѣвать. Бельшамъ говоритъ, напр.: «нужно тщательно отличать ученіе объ ассоціаціяхъ отъ теоріи вибрацій; одно основано на независимой очевидности и на неоспоримыхъ фактахъ. Слѣдовательно, это ученіе должно стоять прочно, между-тѣмъ-какъ другое ученіе о вибраціяхъ должно быть разсматриваемо только, какъ вѣроятная гипотеза, неимѣющая достаточнаго доказательства. «Если-бы теорія вибрацій была вѣрна, то ее можно бы разсматривать, какъ шагъ впередъ въ наукѣ о человѣческой природѣ, такъ - какъ она даетъ объясненіе явленій умственной ассоціаціи. Но настоящая причина нервныхъ вибрацій, способъ, какимъ возбуждаются чрезъ нихъ ощущенія, идеи и мускульныя движенія и природа перцепціи составляютъ тайну, которая доселѣ остается вполнѣ необъяснимою». «Нужно помнить, что ученіе о вибраціяхъ предлагается только, какъ гипотеза, и не берется, какъ фактъ»¹. Хотя Пристли болѣе, чѣмъ Бельшамъ, былъ склоненъ поддерживать ученіе о вибраціяхъ, тѣмъ не менѣе и онъ ради того, чтобы не смѣшивали ассоціаціи и вибраціи, ихъ сущность и сравнительную очевидность, издавъ сочиненіе Гертли въ сокращеніи и совершенно исключилъ изъ него теорію вибрацій. Изъ этого видно, какъ различно смотрѣлъ Пристли на научное достоинство двухъ доктринъ — ученія объ ассоціаціяхъ и теоріи вибрацій². Дарвинъ подъ вліяніемъ новыхъ физиологическихъ изслѣдованій невольно расматриваетъ теорію вибрацій, затрогивая ее по существу. Говоря о мускульныхъ движеніяхъ, онъ приписываетъ ихъ сокращенію мускульныхъ волоконъ. Онъ не соглашается также называть сенсоріальныя движенія вибраціями сенсоріума; онъ суть перемѣны или движенія частныя, свойственныя только организму, имѣющему жизнь³. Хотя Бельшамъ замѣчаетъ на это, что Дарвинъ этимъ

¹ Elements of the philosophy of the mind. Chap. III, sect. 5.

² Ibid., въ концѣ.

³ Belsham, Elements. Chap. III, sect. 5, примѣч.

не уничтожаетъ аргументовъ Ньютона и Гертли, которые сдѣлали вѣроятнымъ то, что эти движенія вибраціонны; но мы смотримъ на дѣло иначе. Дарвинъ повторяетъ ученіе Галлера о самобытной раздражимости мускуловъ и ученіе Прохаски о рефlekсахъ. Въ лицѣ этихъ изслѣдователей физиологія вступила на путь положительнаго изслѣдованія. Животный организмъ есть механизмъ; но механизмъ своеобразный, слѣдующій инымъ законамъ, чѣмъ законы механики и физики. На эту своеобразность и указываетъ Дарвинъ. Онъ говоритъ, что «лучи свѣта возбуждаютъ ретину къ животному движенію, вызываемому этимъ стимуломъ; эти движенія слѣдуетъ отличать отъ движеній, которыя происходятъ отъ толчка, движеній, вызываемыхъ силою тяготѣнія, и отъ движеній, отчисляемыхъ къ классу химическихъ»¹.

Бонне. Кромѣ Юма и Гертли ученіе объ ассоціаціяхъ, какъ единственномъ принципѣ всего того, что относится къ человѣческому разуму, мы находимъ у Кондильяка. «Я, говоритъ онъ, нашель, какъ мнѣ кажется, рѣшеніе всѣхъ проблемъ въ связи идей (*liaison des idées*), относится ли это къ связи идей со знаками или же идей между собою»². Кромѣ Ньютона и Гертли ученіе о вибраціяхъ находится еще у Бонне, женеvскаго ученаго. У послѣдняго мы находимъ также гипотезу одушевленной статуи, которою воспользовался Кондильякъ при объясненіи происхожденія нашихъ знаній.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ-же затрудненіемъ, въ которомъ встрѣтились, когда говорили объ Юмѣ и Гертли. Нѣкоторые положительно говорятъ, что теорія вибрацій заимствована Бонне у Гертли; другіе не рѣшаются утверждать, чтобы здѣсь было заимствованіе. Къ послѣднимъ относится Догадьдъ Стюартъ,

¹ Ibid. Chap. IV, sect. 5 примѣч.

² Philosophical Essays. Essay IV.

который не признаетъ возможность заимствованія¹. Сочиненіе Бонне — «Аналитическій опытъ о душевныхъ способностяхъ», на которое указано нами въ началѣ главы, явилось въ 1760 году; между-тѣмъ-какъ сочиненіе Гертли — «О человѣкѣ» (*Observations on man*) явилось въ 1749 году. Но раньше указанного сочиненія Бонне написалъ другое сочиненіе подъ заглавіемъ — «Опытъ психологіи», въ которомъ отчетливо изложилъ гипотезу о зависимости ощущеній, воображенія, воспоминанія и проч. отъ вибрацій нервныхъ волоконъ. Оно явилось въ Лейденѣ, въ Голландіи, въ 1754 году; но, какъ часть «Размышленій о природѣ», оно написано гораздо раньше (по Ибервегу — въ 1748 г.).

Оставляя въ-сторонѣ хронологическія данныя, обратимся къ другимъ даннымъ для объясненія происхожденія сущности и значенія психологическихъ изслѣдованій и въ-частности — теоріи вибрацій Бонне.

Нѣтъ сомнѣнія, что Бонне находился подъ вліяніемъ Локка и Ньютона. На это вліяніе указываютъ естественно-научныя и психологическія сочиненія Бонне. Но главное вліяніе на Бонне было съ другой стороны. Если мы вникнемъ въ сущность методическихъ приемовъ Бонне, то найдемъ, что онъ непосредственно слѣдуетъ методу Декарта. Сродство его съ Декартомъ обнаруживается и въ другихъ отношеніяхъ; онъ удерживаетъ, напр., въ психологіи теорію животныхъ духовъ². Рядомъ съ вліяніемъ Декарта вліяніе на Бонне Лейбница было еще болѣе сильное. «Теодицея (Лейбница) была, говоритъ Бонне въ одномъ письмѣ, для моего ума нѣкотораго рода телескопомъ, который открылъ мнѣ другую вселенную. Я съ жадностію принималъ изреченія мудрости и усиливался вникнуть въ глубокій смыслъ ихъ. Я не переставалъ удивляться высотѣ и плодотворности принциповъ, ко-

¹ Ibid.

² *Contemplation de la nature*, изд. 1770 г. Preface. LIV стр.

торые они развивали»¹. Дѣйствительно, Бонне, какъ натуралистъ, принялъ и развилъ идеи Лейбница о природѣ.

Солидарность и непрерывность существъ сильно поражали Бонне, какъ натуралиста. «Одною и тою-же связію соединены, говоритъ онъ, міръ физическій и міръ нравственный; прошедшее связано съ настоящимъ, настоящее съ будущимъ, будущее — съ вѣчностію». Нѣтъ ничего изолированнаго и единичнаго въ природѣ; все находится въ связи; всѣ существа находятся въ извѣстныхъ отношеніяхъ между собою. «Все въ природѣ представляетъ собою степени и оттѣнки; нѣтъ существа, которое не имѣло бы выше и ниже себя существъ, сходныхъ съ нимъ въ нѣкоторыхъ характерныхъ чертахъ и различныхъ въ другихъ. Между двумя классами, двумя родами существуютъ произведенія, такъ сказать, среднія, которыя составляютъ какъ-бы связи и переходные пункты».

Согласно съ этими положеніями Бонне размѣщаетъ всѣ существа въ порядкѣ по ступенямъ, начиная съ субстанцій наиболѣе простыхъ и переходя къ минераламъ, къ растеніямъ, зоофитамъ, насѣкомымъ, высшимъ животнымъ и, наконецъ, къ человѣку.

По Бонне, лѣстница природы строится чрезъ переходъ отъ простаго къ сложному, отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному. Изъ молекулъ происходитъ органическое волокно, изъ него образуется сосудъ, изъ сосуда — органъ. Лѣстница, представляющая животныхъ, есть продолженіе лѣстницы, представляющей растительное царство. Полипъ соединяетъ животныхъ съ растеніями; летающая бѣлка соединяетъ птицъ съ четвероногими; обезьяна соединяетъ четвероногихъ съ человѣкомъ.

Такимъ образомъ вліянія на Бонне предшествовавшихъ мыслителей были разнообразны и сложны, чѣмъ вліянія на Гертли;

¹ Correspondance. *Papillon*, Histoire de la philosophie moderne. Tom. II, стр. 243.

они идутъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ — Локка и Лейбница. Это отразилось и на психологическихъ изслѣдованіяхъ Бонне; почему эти изслѣдованія, будучи сходны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ изслѣдованіями Гертли, въ то-же время существенно отличаются отъ нихъ въ другихъ.

Познакомимся вкратцѣ съ психологіей Бонне. Самъ онъ облегчаетъ намъ этотъ трудъ, давши намъ краткое изложеніе своего пространнаго психологическаго сочиненія въ предисловіи къ сочиненію — «Contemplation de la nature».

Чувства — первый источникъ нашихъ идей. «Я, говоритъ Бонне, выхожу отъ факта весьма извѣстнаго, который оспаривать никто не рѣшится: слѣпорожденный не пріобрѣтетъ нашихъ идей свѣта и цвѣтовъ. Его душа имѣетъ тѣ-же способности, которыя имѣемъ мы; чего же недостаетъ ему, чтобы имѣть всѣ наши зрительныя ощущенія? Органа, приспособленнаго къ воспріятію этихъ ощущеній. Если-бы этотъ слѣпорожденный былъ въ то-же время и глухой, если-бы онъ былъ лишенъ со дня рожденія еще чувства осязанія, равно какъ чувства вкуса и обонянія, то какія, спрошу я, идеи могъ бы пріобрѣсти онъ? Мы отвѣтять, конечно, что онъ имѣлъ бы чувство собственнаго существованія. Но какъ пріобрѣтается нами чувство нашего собственнаго существованія? — не чрезъ рефлексію ли на наши собственные ощущенія? или по крайней мѣрѣ наши первыя ощущенія не связаны ли по существу съ тѣмъ чувствомъ, которое наша душа имѣетъ постоянно, что она та, которая испытываетъ ихъ? и это чувство можетъ ли быть инымъ, кромѣ чувства собственнаго существованія? Да и какъ душа, которая никогда не ощущала, могла бы знать, что она существуетъ?».

Рефлексія — второй источникъ идей. Такимъ образомъ я полагаю, какъ принципъ, что всѣ наши идеи первоначально происходятъ изъ ощущеній. Я не говорю того, чтобы всѣ наши идеи были чисто чувственными. Я раскрылъ ясно и подробно, какъ

рефлексія, при помощи различнаго рода знаковъ, отъ ощущеній постепенно поднимается къ абстрактнымъ понятіямъ.

Единство души и тѣла и его законъ. Предметы сами по себѣ или частички, которыя отсюда распространяются, дѣйствуютъ на внѣшнія чувства только при помощи толчка. Они сообщаютъ послѣднимъ вибраціи, которыя распространяются до мозга, и душа испытываетъ ощущенія. Философъ не рѣшаетъ вопроса, какъ движеніе поражаетъ въ душѣ идею; онъ просто допускаетъ фактъ и отказывается отъ знанія причины. Последняя заключается въ тайнѣ единства двухъ субстанцій, и эта тайна непроницаема. Достаточно знать, что вибраціямъ того или другаго нерва всегда соотвѣтствуетъ въ душѣ такое или иное ощущеніе. Ощущеніе разсматривается не какъ физическое и непосредственное дѣйствіе движенія нерва, а какъ неразрывное слѣдствіе этого движенія. Это движеніе разсматривается, какъ естественный знакъ ощущенія.

Специфическое различіе чувствительныхъ волоконъ. Каждое чувство имѣетъ свой механизмъ, свой способъ дѣйствія и свое назначеніе. Каждое внѣшнее чувство передаетъ душѣ множество впечатлѣній, которымъ соотвѣтствуютъ различныя ощущенія. «Я, говоритъ Бонне, не въ состояніи допустить, чтобы нервныя волокна, совершенно сходныя между собою, были достаточно для воспріятія и передачи столь различныхъ впечатлѣній такъ, чтобы не смѣшивали ихъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ каждое чувствительное волокно было бы тѣломъ, разъ движимымъ многими силами, которыя дѣйствуютъ различно; это тѣло подвергнется сложному движенію, которое будетъ продуктомъ этихъ силъ и которое не будетъ представлять ни одну изъ нихъ въ-частности. Становясь на эту точку зрѣнія, я не могу найти основанія для различія моихъ ощущеній. Поэтому, я дѣлаю попытку поставить такую гипотезу, что въ каждомъ чувствѣ существуютъ волокна, приспособленныя къ каж-

дому виду ощущеній. Я старался подмѣтить въ организаціи чувствъ особенности, которыя могли бы подтвердить справедливость моей гипотезы, и я указалъ ихъ. Наблюденія надъ различіемъ преломляемости свѣтовыхъ лучей и надъ различіемъ вибрацій струнъ въ музыкальномъ инструментѣ увеличиваютъ степень вѣроятности моей догадки».

Физика воспоминанія. «Моя душа не ограничена однимъ ощущеніемъ, говоритъ Бонне, при помощи моихъ чувствъ. Она имѣетъ еще память того, что она ощущала». Она имѣетъ чувство новости ощущенія. Ощущеніе, которое испытывалось много разъ, дѣйствуетъ на насъ не такъ, какъ въ первый разъ. Чувствительныя волокна, много разъ подвергавшіяся вибраціямъ, не остаются въ томъ-же точно состояніи, въ какомъ были до вибрированія. Повтореніе дѣйствія предмета должно производить нѣкоторое измѣненіе въ нихъ. Если извѣстнаго рода ощущеніе приспособлено къ извѣстнаго рода чувствительному волокну, то память ощущенія или воспоминаніе должно быть тѣсно связано съ дѣятельнымъ состояніемъ волоконъ. «Отсюда я дѣлаю предположеніе, говоритъ Бонне, что дѣвственныя волокна производятъ на душу не такое дѣйствіе, какое производятъ волокна, подвергавшіяся вибраціямъ, и я приписываю чувство новости дѣвственности чувствительныхъ волоконъ. Я прошу извинить мнѣ употребленіе этого слова, съ цѣлію избѣжать скучнаго перифраза».

Дѣйствіе души на тѣло, обнаруживаемое природою и дѣйствіемъ вниманія (attention). Душа имѣетъ волю и развиваетъ ее чрезъ упражненіе; она имѣетъ желанія; она активна. Эта активность, какова бы ни была ея природа, должна имѣть предметъ, на которомъ она проявляется. Этотъ предметъ составляютъ чувствительныя волокна. Чувства дѣйствуютъ на душу; душа въ свою очередь дѣйствуетъ на чувства. Она дѣйствуетъ не по способу тѣла, такъ-какъ она не имѣетъ тѣла;

она по собственной волѣ производитъ вибраціи въ чувствовательныхъ волокнахъ. Различные факты подтверждаютъ существованіе этой двигательной силы души и въ-частности — упражненіе вниманія. Когда оно бываетъ слишкомъ продолжительно, то оно порождаетъ въ душѣ тягостное чувство, которое мы называемъ утомленіемъ. Собственно говоря, утомленіе можетъ ли быть въ другомъ мѣстѣ, кромѣ органовъ? Если душа не желаетъ быть внимательной, то не испытываетъ никакого утомленія. Она дѣйствуетъ на волокна, которыя и составляютъ мѣсто утомленія. Если утомленіе прекращается, то душа перемѣняетъ предметъ, т. е. тогда она дѣйствуетъ на другія волокна, такъ-какъ раньше сказано, что нужно принять за вѣроятное, что каждый предметъ имѣетъ въ мозгу волокна, которыя приспособлены къ нему.

Бонне замѣчаетъ далѣе, что онъ едва-ли не первый сдѣлалъ попытку анализировать природу и дѣйствіе вниманія съ помощью указанныхъ принциповъ и доказать, что именно эта весьма важная способность отличаетъ однихъ людей отъ другихъ.

Физика воображенія и памяти. Воображенію и памяти принадлежит репродукція идей. Въ чемъ состоитъ физика воображенія и памяти? Прежде, чѣмъ изслѣдовать то, какъ идея репродуцируется, нужно, по Бонне, изслѣдовать ея происхожденіе.

Мы уже видѣли, что душа получаетъ новое ощущеніе иначе, какъ при помощи чувства. Необходима вибрація извѣстныхъ волоконъ, чтобы образовать первоначально ощущеніе. Репродукція или вызовъ его чрезъ воображеніе зависитъ отъ вибрацій тѣхъ-же самыхъ волоконъ. Болѣзни, которыя могутъ дѣйствовать только на тѣло, ослабляютъ воображеніе и память. Слѣдовательно, воображеніе и память имѣютъ мѣсто въ тѣлѣ, и это мѣсто находится въ органахъ, которые передаютъ всѣ впечатлѣнія, идущія отъ внѣ. «Я думаю, говоритъ Бонне, что чувствовательныя волокна такъ устроены, что болѣе или менѣе

продолжительное дѣйствіе предметовъ производитъ болѣе или менѣе продолжительное предрасположеніе, которое и создаетъ физику памяти. Я не могу сказать, въ чемъ состоитъ это предрасположеніе, такъ-какъ мнѣ не извѣстно строеніе чувствительныхъ волоконъ; но если каждое чувство имѣетъ свой механизмъ, то я думаю, что каждый видъ чувствительнаго волокна можетъ имѣть свой».

«И такъ, я рассматриваю, говоритъ Бонне, каждое чувствительное волокно, какъ весьма малый органъ, который имѣетъ свои функціи, или какъ весьма малую машину, въ которой дѣйствующій предметъ вызываетъ дѣйствіе, ей свойственное. Я думаю, что дѣйствіе чувствительнаго волокна должно по существу вытекать изъ его первоначальнаго строенія, а также изъ природы и расположенія элементовъ». Подъ послѣдними Бонне разумѣетъ простыя тѣла, составныя части малаго органа или малой машины, назначеніе которой — воспринимать, передавать и воспроизводить впечатлѣніе предмета. Онъ предполагаетъ, что каждый видъ чувствительнаго волокна первоначально созданъ приспособительно къ способу дѣйствія на него предмета. Если глазъ дѣйствуетъ не такъ, какъ ухо, то это значитъ, что строеніе ихъ существенно различно и что свѣтъ дѣйствуетъ не такъ, какъ звукъ. «Вѣроятно, говоритъ онъ, что волокна, приспособленныя къ различнымъ зрительнымъ перцепціямъ, представляютъ иное строеніе, чѣмъ волокна, приспособленныя къ слуховымъ перцепціямъ. Даже болѣе: каждая перцепція имѣетъ свой характеръ, по которому мы отличаемъ ее отъ всякой другой перцепціи. Напримѣръ, каждый цвѣтовой лучъ имѣетъ свою сущность, которая остается неизмѣнною; красный лучъ не такъ дѣйствуетъ, какъ голубой, слѣдовательно существуетъ различіе даже среди зрительныхъ волоконъ, имѣющее отношеніе къ различію между цвѣтовыми лучами». «Я просто не допускаю, говоритъ Бонне, чтобы зрительныя волокна были тоньше, чѣмъ

слуховыя, чтобы вибраціи однихъ были быстрѣе, чѣмъ вибраціи другихъ, и чтобы между зрительными волокнами тѣ, которыя приспособлены къ дѣйствію красныхъ лучей, были менѣе нѣжны, чѣмъ тѣ, которыя приспособлены къ дѣйствію голубыхъ лучей. Мнѣ кажется, что этого недостаточно, чтобы объяснить явленія памяти». Хотя возможно, чтобы болѣе или менѣе быстрыя вибраціи или другое подобное движеніе были достаточны для характеристики вида ощущенія, но нельзя допустить, чтобы они могли служить въ то-же время для напечатлѣнія въ душѣ памяти ощущенія. Такъ-какъ послѣдняя относится къ тѣлу, то она должна зависѣть отъ нѣкоторой перемѣны въ примитивномъ состояніи чувствительныхъ волоконъ, происходящей вслѣдствіе дѣйствія на нихъ предмета. Такимъ образомъ вѣроятно, что волокна, подвергшіяся дѣйствію предмета, не таковы, какими они были прежде. Эти измѣненія въ чувствительныхъ волокнахъ и устанавливаютъ физику воспоминанія и памяти, если они испытываются болѣе или менѣе продолжительно.

Это уже относится къ привычкѣ, о которой говорятъ, что она имѣетъ большое вліяніе на человѣческую жизнь.

Механика памяти. Душа не только имѣетъ память перцепцій, которыя восприняла, но еще можетъ вызывать ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были много разъ восприняты. Это одно изъ главныхъ дѣйствій памяти. Какъ объяснить это дѣйствіе памяти? Такъ-какъ наши идеи всякаго рода вызываютъ одна другія и всѣ онѣ первоначально относятся къ ощущенію, то необходимо, чтобы чувствительныя волокна всякаго рода имѣли сообщеніе между собою непосредственное или посредственное. Они могутъ получить привычное предрасположеніе къ тому, чтобы другъ друга вибрировать въ опредѣленномъ и неизмѣнномъ порядкѣ. Это предрасположеніе создается чрезъ повтореніе однихъ и тѣхъ-же движеній въ одномъ и томъ-же чувствѣ. Вниманіе, которое усиливаетъ вибраціи, также помогаетъ напечатлѣнію по-

слѣдовательности словъ въ мозгу. Слѣдуетъ указать на разумъ, который знаетъ механизмъ мозга и проч.

Въ отдѣлѣ памяти не излишне сказать о предразсудкахъ. Бонне разсматриваетъ ихъ, какъ видоизмѣненіе привычки, и говоритъ: если всѣ идеи относятся къ волокнамъ, которыя къ нимъ приспособлены, то и предразсудки имѣютъ свои волокна. Они питаются, растутъ и укрѣпляются вмѣстѣ съ ними; отсюда такъ трудно искоренить ихъ. Тѣ, которые борются противъ нихъ, удивляются ихъ устойчивости; но они не думаютъ того, что борются противъ природы. Еще съ большею устойчивостію встрѣчаются тѣ, которые стремятся измѣнить характеръ; послѣдній состоитъ изъ суммы предрасположеній, захватывающихъ неограниченное количество волоконъ.

Изъ краткаго ознакомленія съ главными положеніями психологіи Бонне видно, что его психологія, будучи сходна въ общемъ направленіи съ психологіей Гертли, отличается отъ нея въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ. Вслѣдствіе этого она представляетъ для насъ историческій интересъ, по которому мы сочли нужнымъ дать ей мѣсто въ нашемъ историческомъ очеркѣ вопреки большинству писателей, упоминающихъ о психологическомъ трудѣ Бонне только мимоходомъ. Принимая вмѣстѣ съ Гертли механическій принципъ вибрацій, Бонне соединяетъ его съ физическимъ или, вѣрнѣе, съ фізіологическимъ принципомъ. Перцепція или рядъ перцепцій относится къ одному или ко многимъ движеніямъ, происходящимъ послѣдовательно въ чувствительныхъ нервныхъ и мозговыхъ волокнахъ. Повтореніе этихъ движеній производитъ въ нихъ привычное предрасположеніе воспроизводить перцепціи въ неизмѣнномъ порядкѣ. Но этого недостаточно для объясненія всѣхъ явленій, относящихся къ перцепціи. Откуда происходитъ то, что ощущенія и перцепціи являются въ нашемъ сознаніи различными? По Гертли, это происходитъ отъ различія вибрацій въ мозговой субстанціи, именно: а) одна и та-же ви-

брація можетъ быть различна въ степени; б) вибраціи могутъ быть различны въ родѣ; в) одна вибрація можетъ быть отлична отъ другой по мѣсту и, наконецъ, г) каждая вибрація происходитъ въ извѣстномъ направленіи, отличномъ отъ направленія другой вибраціи¹. По Бонне, различіе ощущеній и перцепцій зависитъ отъ различнаго первоначальнаго строенія чувственныхъ органовъ и нервныхъ чувствительныхъ волоконъ. По его гипотезѣ, которую онъ съ настойчивостію проводитъ, не только волокна одного чувственного органа отличны по строенію отъ волоконъ другого органа, но и волокна одного и того же чувственного органа различаются по строенію между собою: каждое нервное волокно составляетъ отдѣльный органъ, имѣющій свои функціи.

Если читатель помнитъ ученіе Лейбница о томъ-же предметѣ, то нечего и говорить о томъ, что Бонне развиваетъ дальше его ученіе. Онъ вторитъ Лейбницу и въ другихъ пунктахъ, напр. въ ученіи объ активности души, о прирожденности и проч.

¹ *Belsham, Elements. Chap. III, sect. 5.* Пристаи добавляетъ еще, что различіе ощущеній зависитъ также отъ различной конституціи нервовъ въ различныхъ чувствахъ. Это — отступленіе отъ принципа Гертля.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы полагаемъ, что Гертли съ его послѣдователями и Бонне заканчиваютъ второй періодъ развитія психологіи.

1. Нѣтъ сомнѣнія, что Локкъ и Ньютонъ даютъ толчекъ новымъ психологическимъ изслѣдованіямъ въ этомъ періодѣ развитія психологіи. Подъ вліяніемъ Локка метафизическіе вопросы въ психологіи или совсѣмъ не занимаютъ психологовъ или отодвигаются ими на второй планъ, чего мы не видимъ въ первомъ періодѣ развитія психологіи. Желаніе создать психологію на научныхъ основаніяхъ по образцу другихъ наукъ, особенно математики, является преобладающимъ въ XVIII в., такъ - что научное направленіе въ психологіи, зародившееся въ XVII ст., прочно по-видимому укрѣпляется въ XVIII ст. На основаніи изложеннаго нами, мы не въ-правѣ говорить (по примѣру многихъ нѣмецкихъ писателей и другихъ), что психологи XVIII стол., на которыхъ мы останавливались, выражали въ своихъ сочиненіяхъ стремленіе къ матеріализму. Исключая Пристли, всѣ они заявляютъ о себѣ, что они не матеріалисты. Тѣ изъ нихъ, которые принимали и развивали теорію вибрацій, выразили въ этомъ лишь стремленіе найти и опредѣлить физическій эквивалентъ психическихъ явленій, не называя послѣднія продуктомъ матеріи. Никто, думаемъ, не станетъ отрицать того, что въ этомъ проявилось научное стремленіе. Не ту ли самую идею преслѣдуютъ современные психофизики, не задаваясь часто мыслію рѣшать метафизическіе во-

просы о духѣ и матеріи. Идея, на которую сейчасъ указано, заманчива для психолога въ высшей степени. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы было доказано, что существуетъ физическій эквивалентъ психическихъ явленій и онъ найденъ, съ точностію опредѣленъ, то психологическія изслѣдованія упростились бы, и мы могли бы надѣяться имѣть въ психологіи самую точную науку съ математическими доказательствами. Конечно, мы должны сознаться, что идея психологовъ XVIII вѣка была еще преждевременна въ-виду состоянія самыхъ естественныхъ наукъ, особенно физиологіи. Поэтому, имъ пришлось ставить гипотезы и чувствовать свое безсиліе въ доказательствахъ для подтвержденія справедливости своихъ гипотезъ.

Хотя психологи XVIII стол. не могли доказать справедливости своихъ физическихъ гипотезъ въ психологіи, однако ихъ изслѣдованія и труды не остались безплодными для нашей науки. Въ нихъ положено начало тѣмъ психологическимъ изслѣдованіямъ, которыя въ широкихъ размѣрахъ производятся въ настоящее время.

2. Мы видѣли, что параллельно съ теоріей вибрацій и въ связи съ нею шла разработка законовъ ассоціацій. Правда, изслѣдованія законовъ ассоціацій и ихъ дѣйствій въ операціяхъ интеллекта производились другими психологами XVIII стол., независимо отъ теоріи вибрацій, но Гертли занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду этихъ послѣдователей. Въмѣсто трехъ принциповъ ассоціацій, какъ объ этомъ училъ Юмъ, онъ признаетъ только два: ассоціаціи одновременныя и ассоціаціи послѣдовательныя. Принципъ причины и дѣйствія, признаваемый Юмомъ, какъ принципъ самостоятельный, сведенъ Гертли на принципъ послѣдовательныхъ ассоціацій. Его ученіе объ ассоціаціяхъ мускульныхъ движеній между собою, съ ощущеніями и идеями, раскрыло большую широту дѣйствія законовъ ассоціацій въ психической жизни въ сравненіи съ областію дѣйствія

ихъ, очерчиваемаго другими изслѣдователями. Это-же ученіе привело его къ мысли искать основаніе ассоціацій въ тѣлѣ и въ-частности — въ системѣ нервовъ и мозга.

3. Нельзя сказать, чтобы эта попытка Гертля отыскать основаніе ассоціацій въ системѣ нервовъ и мозга не была плодотворною для психологіи. Съ этого времени психологи другихъ школъ, напр. шотландской, не рѣшаются уже отрицать зависимости интеллектуальныхъ способностей и ихъ операций отъ мозга. Раньше при рѣшеніи вопроса — какъ движеніе отъвиѣ, распространяясь чрезъ нервы до мозга, превращалось въ ощущение, всегда констатировался пробѣлъ въ объясненіи: ощущение, какъ таковое, являлось съ инымъ характеромъ, чѣмъ движеніе; между тѣмъ и другимъ замѣчалась пропасть. Изъ движенія, говоритъ Локкъ, можетъ произойти только движеніе. Такимъ образомъ, и между тѣломъ и духомъ вообще сознавалась та-же пропасть. Приходилось признать, что тѣло съ его функциями существуетъ само по себѣ, а психическія явленія сами по себѣ; они существуютъ параллельно, но не смѣшиваясь. Положеніе дѣла нѣсколько измѣнилось, когда Гертль сдѣлалъ анализъ происхожденія привычныхъ или, какъ онъ выражается, вторично-автоматическихъ движеній. Здѣсь психическія операціи непосредственно воплощаются въ тѣлесныя дѣйствія; ассоціація идей воплощается въ ассоціацію мускульныхъ движеній, послѣднія одинаково выполняются по ассоціаціи идей, будетъ ли сознаваться эта ассоціація или нѣтъ.

4. Психологи XVIII ст. обращаютъ преимущественное вниманіе на анализъ привычки въ различныхъ ея видахъ. Начало этому анализу положилъ Локкъ съ извѣстной уже намъ 33-й гл. 11 книги. Его продолжалъ Юмъ, который указалъ дѣйствіе привычки въ высшихъ интеллектуальныхъ операціяхъ духа. Дѣйствіе привычки въ связи съ приспособленіемъ тѣлесной органи-

заци и въ-частности системы мозга и нервовъ анализировали Гертли съ его послѣдователями и Бонне.

Привычка вообще есть наклонность къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, сопровождаемая легкостію и охотностію выполненія ихъ, которыя пріобрѣтаются вслѣдствіе частію повторенія. Сюда относятся всѣ тѣ дѣйствія, которыя Гертли называлъ вторично-автоматическими, наприм. хожденіе, рѣчь, глотаніе и проч. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ подѣ привычкою обыкновенно разумѣются такія дѣйствія, которыя свойственны нѣкоторымъ индивидуумамъ и выполняются чрезъ извѣстные одинаковые промежутки времени, напр. питье чая, кофе, куреніе табаку. Сюда-же относятся привычки къ музыкѣ, къ танцамъ, къ посѣщенію театра, хожденію въ церковь и проч. Всѣ онѣ подчинены закону ассоціацій, чрезъ который дѣйствія, первоначально произвольныя, переходятъ во вторично-автоматическія.

Главныя явленія привычки могутъ быть сведены къ слѣдующимъ фактамъ:

а) Чтобы извѣстное дѣйствіе сдѣлалось привычнымъ, необходимо, чтобы оно сначала сопровождалось нѣкоторымъ удовольствіемъ или вызывалось нѣкоторымъ значительнымъ страданіемъ; наприм. куреніе табаку, питье минеральной воды сначала не могутъ назваться пріятными. Человѣкъ пріобрѣтаетъ привычку по нѣкоторымъ другимъ мотивамъ, чѣмъ пріятное, наприм. желаніемъ здоровья, любовью къ компаніи, соревнованіемъ и проч.

б) Скорѣйшій и вѣрнѣйшій путь къ пріобрѣтенію привычки состоитъ въ повтореніи дѣйствія чрезъ правильные и небольшіе промежутки времени. Дѣйствіе, повторяемое чрезъ слишкомъ краткій или слишкомъ длинный періодъ времени, а также не сопровождаемое регулярностію, не перейдетъ въ привычку.

в) Частое повтореніе дѣйствія производитъ легкость и ловкость выполненія его. По закону ассоціацій, дѣйствія постепенно ассоциируются и вызываютъ одно другое безъ участія воли.

г) Ассоциируемые обстоятельства всегда возбуждают привычную наклонность къ выполнению дѣйствія. Измѣненіе обстоятельствъ поведетъ къ тому, что желаніе или советъ не будетъ возбуждаться или возбужденіе его послѣдуетъ не въ такой сильной степени.

д) Человѣкъ часто больше страдаетъ отъ неудовлетворенія искусственно приобрѣтенной наклонности, чѣмъ отъ сопротивленія удовлетворенію естественнаго аппетита.

е) Прогрессъ удовольствія при удовлетвореніи привычки и прогрессъ страданія при неудовлетвореніи большею частію находятся въ точномъ или, по-крайней-мѣрѣ, наглядномъ отношеніи другъ къ другу.

Дѣйствіе, которое переходитъ въ привычное, первоначально бываетъ нѣсколько мучительно. Чрезъ повтореніе это непріятное чувство постепенно уменьшается и спускается до предѣловъ удовольствія. Но и удовольствіе постепенно уничтожается. Идеи и ощущенія, которыя ассоциируются съ привычнымъ дѣйствіемъ, едва воспринимаются; наконецъ, дѣйствіе переходитъ во вторично автоматическое, такъ-что выполняется безсознательно.

Прогрессъ страданія отъ неудовлетворенія привычки очень различенъ. Онъ начинается съ удовольствіемъ удовлетворенія и возрастаетъ, пока возрастаетъ удовольствіе до высшей степени; онъ продолжаетъ возрастать и тогда, когда удовольствіе отъ удовлетворенія начинаетъ уменьшаться; наконецъ, достигаетъ высшей степени тогда, когда удовольствіе отъ удовлетворенія совершенно прекращается и дѣйствіе исполняется безъ участія воли. Куреніе табаку представляетъ знакомый многимъ примѣръ. Но это одинаково приложимо къ привычкамъ высшаго рода. Въ такомъ состояніи привычное дѣйствіе называется безкорыстнымъ. Нравственныя привычки, когда онѣ такимъ образомъ создаются и укрѣпляются, устанавливаютъ степень характера добраго или злого. Безкорыстное благожеланіе и дѣйствіе есть высшая ступень доб-

родители; безкорыстное стремление ко злу и зловернымъ дѣйствіямъ есть крайняя степень порока.

ж) Человѣкъ подпадаетъ подъ власть привычки нечувствительно.

з) Большая часть, если не все дѣйствія, которыя обыкновенно разсматриваются какъ инстинктивныя и естественныя, при внимательномъ анализѣ могутъ казаться приобретенными¹.

5. Гоббсъ находилъ, что все люди по природѣ равны. Локкъ училъ, что душа новорожденного есть какъ-бы *tabula rasa*; она не приноситъ съ собою ничего врожденного. Многіе изъ мыслителей XVIII стол. убѣждены были въ справедливости положенія Локка. Поэтому, ихъ сильно занималъ вопросъ: откуда различіе въ умахъ, душевныхъ способностяхъ, характерахъ людей? Изслѣдованіе законовъ ассоціацій давало нѣкоторую руководительную нить къ рѣшенію этого вопроса. Эразмъ Дарвинъ пишетъ: «тѣ, которые комбинируютъ въ продолженіи жизни широкій классъ идей по смежности въ пространствѣ и времени, называются учеными въ исторіи человѣчества и наукъ, имъ выработанныхъ. Комбинировавшіе большой классъ идей по сходству владѣютъ источникомъ поэтическихъ и ораторскихъ украшеній, а также всякою разумною аналогіей. Тѣ же, которые ассоциировали большой классъ идей причинной связи, обладаютъ практическими способностями; это — люди практической мудрости, которые ведутъ арміи къ побѣдамъ, государство — къ благосостоянію; въ наукахъ дѣлаютъ открытія и усовершенствуютъ тѣ изъ нихъ, которыя улучшаютъ условія жизни человѣчества»². Но здѣсь невольно является вопросъ: почему одни изъ людей комбинируютъ идеи по смежности, другіе — по сходству и т. д.? Пристли, говоря о томъ-же, о чемъ говоритъ Дарвинъ, дѣлаетъ

¹ Elements of the philosophy of the mind. Chap. VIII, sect. 2.

² Belsham, Elements. Chap. III, sect. 2 примѣч.

попытку рѣшить при помощи гипотезы и этотъ вопросъ. «Ощущенія, говоритъ онъ, составляющія элементы всякаго познанія, получаютъ или одновременно или послѣдовательно; если получается одновременно нѣсколько ощущеній, напр. запахъ, вкусъ, цвѣтъ, форма и проч. какого-нибудь плода, то ихъ совокупная ассоціація составляетъ идею предмета; если же они получаютъ послѣдовательно, то ихъ ассоціація производитъ идею событія. И такъ, все, что благопріятствуетъ ассоціаціямъ одновременныхъ идей, будетъ стремиться произвести познаніе предметовъ, воспріятіе качествъ; тогда — какъ все, что благопріятствуетъ ассоціаціи въ послѣдовательномъ порядкѣ, будетъ стремиться произвести познаніе событій, порядка случаевъ и связи причины и дѣйствія; другими словами, въ одномъ результатѣ будетъ воспріимчивая душа съ разборчивымъ чувствомъ пріятныхъ и непріятныхъ свойствъ вещей, пониманіе великаго и прекраснаго; въ другомъ случаѣ — душа, внимательная къ движеніямъ и явленіямъ, мыслящій и философскій умъ. Но признано, какъ принципъ, что всѣ ощущенія, испытанныя въ теченіе какого-нибудь впечатлѣнія, бывають крѣпко ассоціированы съ нимъ и между собою. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что одновременныя ощущенія чувствительной природы (т. е. такой, которая получаетъ живыя впечатлѣнія) будутъ тѣснѣе слиты, чѣмъ въ душѣ, образованной иначе? Если эта догадка основательна, то она ведетъ къ немаловажному заключенію, именно: если природа одарила какого-нибудь человѣка большою первоначальною чувствительностію, то онъ, вѣроятно, будетъ отличаться любовью къ естественной исторіи, пониманіемъ прекраснаго и великаго и нравственнымъ энтузіазмомъ; между-тѣмъ-какъ, при посредственной чувствительности, результатомъ, вѣроятно, будетъ любовь къ наукѣ, къ отвлеченной истинѣ при слабости вкуса и энтузіазма»¹.

¹ Дж.-Ст. Милъ, Логика нравственныхъ наукъ. Гл. IV. О законахъ души.

Еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе высказывается Бонне о томъ, что достаточно различія организаціи, чтобы послѣдовало различіе между людьми по уму, способностямъ и характеру. Это положеніе онъ извлекаетъ прежде всего изъ сравнительнаго изученія психической жизни животныхъ въ параллель съ изученіемъ развитія изъ организаціи. Изучая такимъ образомъ психическую жизнь животныхъ, онъ видѣлъ, что способность ощущенія расширяется, развивается и усовершенствуется чрезъ простое развитіе органовъ и чрезъ образованіе новыхъ органовъ. «Если-бы, спрашиваетъ онъ, душа человѣка была помѣщена въ устрицу, то приобрѣла ли бы она понятія морали и метафизики?». «Ея натура продолжаетъ онъ, осталась бы та-же; но она не могла бы развернуть здѣсь свою активность, какъ она развертываетъ ее въ своемъ собственномъ мозгу. Такимъ образомъ, она упала бы на самую низкую степень, благодаря лишь одной организаціи»¹. Это до извѣстной степени случается на дѣлѣ; именно: «солѣзнь можетъ разстроить всю экономію мозга и уничтожить воображеніе, память и разсудокъ; она не уничтожаетъ души; тѣмъ не менѣе послѣдняя низводится въ состояніе души животнаго»². Правда, Бонне предполагаетъ, что въ здоровомъ состояніи нѣтъ существеннаго различія между человѣческими мозгами, и число чувствъ одинаково у всѣхъ людей. Но не всѣ люди одинаково пользуются чувствами, а чувства — источники памяти, воображенія и разсудка. Въ концѣ Бонне ставитъ нѣсколько вопросовъ, которые не изслѣдованы еще, но рѣшеніе которыхъ необходимо при рѣшеніи вопроса о различіи ума и способностей между людьми. «Изслѣдованы ли дѣйствія физическихъ обстоятельствъ, спрашиваетъ онъ, различныхъ слѣдствій, происходящихъ отъ происхожденія, темперамента климата и проч.? Оцѣнена ли вполнѣ физическая сила воспитанія и различныхъ впечатлѣній, которыя

¹ Contemplation de la nature. Préface, стр. LX.

² Contemplation de la nature. Préface, стр. LXL.

воспринимаетъ и сохраняетъ мозгъ?»¹. Не признавая врожденныхъ идей Декарта, Бонне обращаетъ вниманіе на физическую наслѣдственность и, въ-частности, на наслѣдственную приспособленность нервныхъ волоконъ и мозга. Онъ замѣчаетъ, что на это мало обращали вниманія. Но съ рѣшеніемъ вопроса о наслѣдственности, предложеннымъ Бонне, мы встрѣтимся дальше.

6. Въ XVIII столѣтіи начинается разработка психологіи животныхъ, чего почти не видимъ въ первый періодъ развитія психологіи, такъ-какъ Декартъ считалъ ихъ чистыми машинами.

Локкъ нашелъ у животныхъ почти все умственныя способности, которыми владѣетъ человекъ. Гертли и его послѣдователи утверждали о способностяхъ животныхъ то, что говорилъ Локкъ; но Бельшамъ не соглашается съ Локкомъ въ томъ, что животные не имѣютъ способности абстракціи. «Собака пастуха должна, говорить онъ, имѣть общую идею барана, понтеръ долженъ отличать куропатку отъ другихъ животныхъ»².

Особенно богатый матеріалъ, относящійся къ психологіи животныхъ, находится въ сочиненіяхъ Бонне.

7. Въ связи съ изслѣдованіемъ привычки, какъ приобрѣтенной наклонности, психологи XVIII стол. столкнулись съ необходимостію изслѣдованія естественныхъ наклонностей или инстинктовъ. Къ этому изслѣдованію вело ихъ также и изученіе психической жизни животныхъ, въ которыхъ дѣйствіе инстинктовъ по преимуществу обращаетъ вниманіе изслѣдователя.

Сначала инстинкты, какъ видно, поражали наблюдателя своими необычайными проявленіями и дѣйствіями. Нѣкоторые изъ писателей XVIII стол. (какъ напр. Эдиссонъ въ своей статьѣ — «Богъ есть душа животныхъ») объясняли инстинкты животныхъ непосредственнымъ дѣйствіемъ Бога. Другіе, хотя и не называли инстинкты непосредственнымъ дѣйствіемъ Бога, тѣмъ не менѣе

¹ Ibid. стр. LXIV

² Belscham, Elements, Chap. VII, sect. 3 примѣч.

въ своемъ объясненіи ихъ высказывали мысль, что въ нихъ выражается нравственное и интеллектуальное вліяніе Бога на природу тварей¹.

Послѣдователи школы Локка избѣгали объясненій теологическихъ и метафизическихъ и рѣшали вопросъ о происхожденіи инстинктовъ на почвѣ чисто психологической. Не признавая никакой психической врожденности, они считали инстинкты наклонностями, приобретаемыми каждымъ индивидуумомъ въ-силу дѣйствія законовъ ассоціацій. Сюда относятся Кондильякъ и Юмъ; въ-послѣдствіи той-же теоріи держался натуралистъ Кювье. Съ этою теоріею сходна и теорія Эразма Дарвина. Послѣдній старался доказать, что то, что называютъ инстинктами въ животныхъ, есть дѣйствіе подражанія, воспитанія и опыта. Его доказательства основываются главнымъ образомъ на томъ, что инстинкты не всегда однообразны и измѣняются подъ вліяніемъ обстоятельствъ².

Чтобы объяснить инстинкты животныхъ, Гертли дѣлаетъ предположеніе, что, въ-силу ихъ тѣлеснаго устройства, въ тѣлѣ ихъ происходятъ извѣстныя вибраціи, въ извѣстныя времена года и въ извѣстный возрастъ, и соединяются съ приобретаемыми ими идеями, такъ-что они угадываютъ лучшій способъ для сохраненія себя и своихъ дѣтей. Гертли называетъ это естественнымъ вдохновеніемъ, происходящимъ въ-силу извѣстныхъ законовъ матеріи и движенія, не отличающихся отъ законовъ природы вообще³.

Такимъ образомъ, для объясненія инстинктовъ предложено было психологами XVIII стол. три вида гипотезъ: а) теологическая, б) психологическая и в) физическая. Явилась и четвертая гипотеза, предложенная Бонне; но о ней скажемъ послѣ.

¹ Kirby, Die Thierwelt, von englisch. стр. 366—67.

² Belsham, Elements. Chap. VIII, sect. 1.

³ Darwin's Zoonomia, vol. 1. Sect. XVI. Belsham, Elements. Chap. VIII, sect. 1.

Здѣсь же остановимся на опредѣленіи и характеристикѣ инстинктовъ, какъ понимали ихъ психологи XVIII стол. Мы воспользуемся для этого сочиненіемъ Бельшамъ.

«Инстинкъ, говоритъ Бельшамъ, есть естественная наклонность къ выполнению извѣстныхъ дѣйствій и, какъ обыкновенно понимается, онъ сопровождается естественнымъ знаніемъ способа, по которому дѣйствіе должно быть выполнено»¹. Проводя параллель между инстинктомъ и привычкою, онъ устанавливаетъ различіе между тѣмъ и другимъ. «Инстинкъ, говоритъ онъ, есть принципъ универсальный, распространяющійся на всѣ индивидуумы того-же вида; привычка ограничивается однимъ индивидуумомъ, поставленнымъ въ извѣстныя обстоятельства и находящимся подъ вліяніемъ извѣстныхъ впечатлѣній; инстинкъ вообще направляется къ полезному, привычка часто бесполезна и даже вредна, хотя стремленіе человѣческой природы, когда пріобрѣтаются привычки, состоитъ въ томъ, чтобы воспринять нѣчто такое, что ведетъ къ болѣе благотворной цѣли. Наконецъ, инстинктивные дѣйствія постоянно сопровождаются удовольствіемъ; привычныя же дѣйствія часто совершенно механичны и безсознательны для дѣйствующаго, хотя невыполненіе ихъ производитъ страданіе въ значительной степени»². Съ другой стороны, инстинкты отличаются и отъ аппетитовъ. «Естественные аппетиты человѣческаго рода разсматриваются, говоритъ Бельшамъ, какъ инстинктивные; но, можетъ быть, не въ собственномъ смыслѣ. Ощущеніе голода производится извѣстнымъ состояніемъ желудка, а также не врожденно, какъ ощущеніе цвѣта и звука. Сосаніе ребенка, когда подносятъ его къ груди, не есть результатъ прежняго знанія о выполняемомъ раньше дѣйствіи, которое должно быть отнесено въ такомъ случаѣ къ врожденной идеѣ, но возбуждается автоматически чрезъ впечатлѣніе на нервы и мускулы»

¹ Belsham, Elements. Chap. VIII, sect. 1.

² Ibid. Chap. VIII, sect. 1.

ную систему, отличающуюся крайнею раздражительностію. Жеваніе и глотаніе, первоначально автоматичныя, постепенно дѣлаются произвольными дѣйствіями. Происхожденіе другихъ желаній и дѣйствій, которыя вообще считаются инстинктивными, объясняется такимъ-же образомъ»¹. «Инстинктъ въ собственномъ смыслѣ направляетъ животное къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя большею частію необходимы ему для самосохраненія и продолженія рода»².

По Бонне, инстинкты раздѣляются на три вида: а) инстинкты для сохраненія собственной жизни, б) инстинкты для распространенія рода и в) инстинкты заботы о дѣтяхъ³. Эти три вида инстинктовъ и разсматриваются Бонне въ его сочиненіи «Contemplation de la nature».

Мы по-необходимости должны ограничиться здѣсь лишь теоріею, предложенною Бонне для объясненія инстинктовъ, и оставить въ-сторонѣ все богатство матеріала, собраннаго имъ при изученіи инстинктовъ различныхъ видовъ животныхъ. Теорія, съ которою мы намѣрены познакомить здѣсь читателя, находится въ концѣ 27 главы XI части II тома «О бобрахъ» (*Réflexions sur les castors*).

Бонне не менѣе, если не болѣе, другихъ писателей удивляется проявленіямъ инстинктовъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ непосредственно наблюдалъ и изучалъ животныхъ, какъ натуралистъ. Съ психологическою теоріей и съ объясненіемъ Дарвина, по которому инстинкты суть дѣйствія подражанія, воспитанія и опыта, Бонне не можетъ вполне согласиться (о теологической теоріи и говорить нечего). Эти причины не порождаютъ инстинктовъ, а лишь развиваютъ ихъ въ индивидуумѣ. Они дѣйствуютъ такъ-же и въ жизни человѣка; но здѣсь мы вносимъ другое, чѣмъ въ жизни животныхъ: развитіе у человѣка подъ вліяніемъ этихъ

¹ Elements. Chap. VIII, sect. 1.

² Ibid. — ³ Contemplat. de la nature. T. II. Part. II. Chap. 1. Ibid.

причинъ идетъ медленно; совершенство въ выполненіи дѣйствій достигается только постепенно и сравнительно въ поздній періодъ развитія и т. д. «Животныя же, говоритъ Бонне, при самомъ рожденіи являются уже тѣмъ, чѣмъ они будутъ во всю свою жизнь. Ихъ искусство всегда одинаково. Молодые пчелы работаютъ такъ-же правильно, какъ и болѣе опытные. Птицы, не видавшія гнѣзда, такъ-же вьютъ гнѣзда, какъ и прародители ихъ. Бобры не имѣютъ школы для своего обученія»¹. «Не приложимо ли, говоритъ Бонне, къ животнымъ ученіе о врожденныхъ идеяхъ, которое раньше имѣло столько защитниковъ и которое такъ основательно опровергнуто? Пчелы, птицы, бобры не приносятъ ли съ собой при рожденіи идей сота, гнѣзда, плотины и хижинны? Ихъ тѣло не устроено ли сообразно съ этими идеями? Различныя движенія въ немъ не представляютъ ли видъ, послѣдовательность и порядокъ этихъ идей?»². Но разъ принято въ принципъ, что всѣ идеи имѣютъ свое происхожденіе въ ощущеніяхъ; тѣмъ болѣе это относится къ животнымъ. Ихъ идеи, относящіяся къ самосохраненію и сохраненію потомства, получаютъ свое начало такъ-же въ ощущеніяхъ. Какъ же рѣшить вопросъ? «Мы можемъ предположить, говоритъ Бонне, что мозгъ содержитъ въ себѣ волокна для возбужденія этихъ идей въ известномъ порядкѣ и по отношенію къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, окружающимъ животное ежедневно. Следовательно, это не будутъ собственно врожденные идеи, какъ мы понимаемъ ихъ,—это будутъ врожденные волокна. Сообразно съ этою гипотезой, мозгъ бобра содержитъ въ себѣ въ самомъ началѣ совокупность волоконъ, способныхъ представлять душъ плотину, хижину, сваи и проч. и выполненіе всего этого. Въ животномъ существуютъ двѣ частныя системы, соотвѣтствующія тому и другому: одна система репрезентативная, которая помѣщается

¹ *Contempl. de la nature*. Т. II. Part. II, chap. 27.

² *Ibid.*

въ мозгу, и другая — исполнительная (executif), которая помещается въ членахъ и другихъ органахъ, предназначенныхъ для выполненія представлений или реализованія ихъ. Такъ-какъ эти двѣ системы рассчитаны по отношенію къ различнымъ обстоятельствамъ, которыя окружаютъ животное, то естественно, что ихъ дѣйствіе разнообразится, смотря по различію положеній животного и его дѣйствительныхъ нуждъ»¹.

8. Подъ вліяніемъ новыхъ психологическихъ изслѣдованій въ XVIII вѣкѣ снова подвергнуто было разбору и критикѣ схоластическое ученіе о свободной волѣ. Эти изслѣдованія, направленные на изученіе ассоціацій, привычки, наклонностей, инстинктовъ и проч., дали богатый матеріалъ, раскрывающій силу дѣйствія необходимости въ психической области и доказывающій несостоятельность указаннаго ученія. Въ «заключеніи» своего сочиненія Гертли трактуетъ «о механизмѣ человѣческаго духа», гдѣ разбираетъ и опровергаетъ ученіе о свободной волѣ. Пристли издалъ отдѣльное сочиненіе «О необходимости» (Illustrations of necessity); Вельшамъ такъ-же обстоятельно разбираетъ ученіе о свободной волѣ и о необходимости въ своихъ «Элементахъ философіи человѣческаго духа».

Воспользуемся и здѣсь сочиненіемъ Вельшама для ознакомленія съ положеніемъ дѣла².

Новые защитники необходимости въ лицѣ Гертли, Пристли и друг. утверждаютъ, что всѣ дѣйствія человѣка опредѣляются предшествующими обстоятельствами или, вѣрнѣе, предшествующими состояніями тѣла и духа; въ-частности, — наша воля никогда ни на что не рѣшается безъ мотивовъ; послѣдніе вліяютъ на волю неизмѣнно, такъ-что невозможно, чтобы избрано было дѣйствіе *A* и противное ему *a*, когда мотивы остаются тѣ-же.

¹ Contemplat. de la nature. Т. II, Part. II, chap. 27.

² Elements of the philosophy of the human mind. Chap. IX, sect. 1—9.

Признавая такимъ образомъ необходимость въ дѣйствіяхъ людей, они тѣмъ не менѣе требуютъ, чтобы эту необходимость не смѣшивали съ принужденіемъ (compulsion). Принужденіе есть внѣшняя сила, дѣйствующая противоположно разсудку или наклонности. Необходимость, о которой они говорятъ, исключаетъ всякій внѣшній контроль»¹.

Съ точки зрѣнія нецессаріанцевъ нужно признать за фактъ, что тѣ-же хотѣнія постоянно и неизмѣнно слѣдуютъ за тѣми-же мотивами, и измѣненіе хотѣній возможно только при соотвѣствующемъ измѣненіи предшествующихъ обстоятельствъ или состояній духа. Если такъ, то «должно быть нѣкоторое основаніе или причина постоянной связи между этими обстоятельствами и хотѣніями. Эта-то причина, — извѣстна она или неизвѣстна, и называется необходимостію. Слѣдовательно, слово «необходимость», подобно словамъ — «тяготѣніе, электричество, магнетизмъ», составляетъ терминъ, взятый для выраженія неизвѣстной причины извѣстнаго дѣйствія»².

«Спрашиваютъ, говоритъ Бельшамъ о мотивахъ: не составляютъ ли они физическія причины хотѣній? Споръ объ этомъ предметѣ — пустой и праздный. Назовите, если угодно, мотивы механическими, физическими или же нравственными причинами, или совсѣмъ не называйте ихъ причинами хотѣній, фактъ остается тѣмъ-же. Извѣстныя хотѣнія слѣдуютъ за извѣстными мотивами съ тѣмъ-же неизмѣннымъ постоянствомъ, съ какимъ иглолка притягивается магнитомъ, камень повинуется закону притяженія. Всѣ эти дѣйствія слѣдуютъ за соотвѣствующими имъ предшествующими обстоятельствами; но разумный человѣкъ не припишетъ столь различныя явленія одной и той-же причинѣ. Обычай, свобода рѣчи присвоили терминъ физическій дѣйствіямъ, относящимся къ предметамъ, неимѣющимъ воли, и

¹ Ibid. Chap. IX, sect. 3.

² Belsham, Elements. Chap. IX, sect. 3.

причинамъ, ихъ производящимъ; а предшествующимъ обстоя-
тельствамъ, управляющимъ волею, и хотѣніямъ, отсюда выте-
кающимъ, усвоили (названіе нравственныхъ причинъ и дѣй-
ствій. Такое различіе ясно и разумно, хотя нравственныя
причины, какъ утверждаютъ нецессарианцы, также неизмѣнны
въ ихъ дѣйствіяхъ, какъ и физическія. Способъ, которымъ
причины, будутъ ли онѣ физическія или нравственныя, произ-
водятъ соотвѣтствующія дѣйствія, — выше пониманія человѣче-
скаго разума». «Доктрина необходимости, продолжаетъ далѣе
Бельшамъ, утверждающая только постоянно-неизмѣнное соеди-
неніе мотива съ хотѣніемъ, одинаково можетъ быть названо
менѣе ненавистнымъ именемъ: правильность (certainty); но
безпристрастный изслѣдователь истины съумѣетъ освободиться
отъ предразсудковъ, зависящихъ отъ словоупотребленія, и будетъ
обращать вниманіе на фактъ и аргументы»¹.

Первый аргументъ, благопріятствующій доктринѣ необходи-
мости, получается изъ нашего сознанія.

1. Мы сознаемъ, что никогда не хотимъ и не можемъ со-
здать въ себѣ хотѣніе или исполнить произвольное дѣйствіе безъ
опредѣленнаго мотива. Если-бы дѣйствительно мы имѣли столь
прославленную самоопредѣляющую способность, если-бы она на-
ходилась въ основаніи всѣхъ нравственныхъ дѣйствій, то суще-
ствованіе ея легко было бы обнаружить. Попробуйте однако
сдѣлать опытъ: пусть кто-нибудь сдѣлаетъ попытку исполнить
произвольное дѣйствіе безъ мотива, наприм. ходить, говорить,
ударить. Онъ найдетъ, что это невозможно.

2. Мы знаемъ, что энергія дѣйствія однообразно пропорціо-
нальна энергіи мотива. Если мотивъ слабъ, хотѣніе также слабо
и едва поднимается выше состоянія безразличія; если мотивъ си-
ленъ, если разсудокъ и склонность въ высшей степени возбуж-

¹ Elements.

даютъ душу къ дѣйствию, то и воля пропорціонально этому сильна и активна. Если встрѣчается оппозиція между мотивами, то сила выбора пропорціональна перевѣсу преобладающаго мотива.

3. По мѣрѣ того, какъ мотивы приближаются къ равенству, выборъ дѣлается наиболѣе затруднительнымъ; отсюда есть основаніе заключать, что если они будутъ совершенно равны, то выбора не послѣдуетъ.

Второй аргументъ, благопріятствующій доктринѣ необходимости, получается изъ отношенія причины и дѣйствія. Въ опытѣ мы находимъ, что хотѣнія слѣдуютъ за извѣстными опредѣленными состояніями духа такъ-же неизмѣнно, какъ неизмѣнно слѣдуютъ физическія явленія за извѣстными предшествующими имъ обстоятельствами.

Наблюденіе надъ этимъ фактомъ порождаетъ въ насъ такое-же непоколебимое ожиданіе извѣстныхъ дѣйствій при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ и въ физическихъ явленіяхъ. Каждый изъ насъ ожидаетъ, что скупой не упуститъ благопріятнаго случая для увеличенія своего богатства, властолюбивый будетъ отыскивать средства для удовлетворенія своего сильнаго желанія власти и т. д. Если наши ожиданія событій, зависящихъ отъ лицъ, обладающихъ разумомъ, не всегда одинаковы, какъ это бываетъ по отношенію къ физическимъ явленіямъ, то это происходитъ не отъ того, что мы думаемъ, будто хотѣнія могутъ быть различны при тѣхъ-же обстоятельствахъ, а отъ того, что мы не можемъ точно знать дѣйствующее лицо, не можемъ надлежащимъ образомъ знать состояніе его духа.

Итакъ, мы имѣемъ право называть состоянія духа и мотивы причинами, а хотѣнія — дѣйствіями.

Третій аргументъ, благопріятствующій доктринѣ необходимости, вытекаетъ изъ нелѣпныхъ и опасныхъ слѣдствій, если допустить существованіе свободной воли.

1. Если мы допускаемъ свободную волю, то необходимо предполагаемъ, что или дѣйствіе существуетъ безъ причины, или же каждому хотѣнію, осуществляемому въ дѣйствиі, предшествуетъ безконечный рядъ хотѣній.

Когда возникаетъ въ духѣ хотѣніе, то оно или производится мотивомъ, или возникаетъ само-собою, или есть дѣйствіе предшествующихъ хотѣній. Если оно производится мотивомъ, то оно необходимо; если возникаетъ само-собою, то оно есть дѣйствіе безъ причины; если оно есть результатъ прежняго хотѣнія, то это прежнее хотѣніе должно или произойти само-собою, или возбуждено мотивомъ, или есть дѣйствіе предшествующаго хотѣнія и такъ далѣе въ безконечность, что составляетъ абсурдъ.

2. Свободная воля, какъ учать о ней нѣкоторые изъ способнѣйшихъ защитниковъ ея, малоупотребительна, ибо она ограничивается случаемъ, рѣдко встрѣчающимся, если только онъ встрѣчается, именно: она дѣйствуетъ тогда, когда мотивы совершенно равны между собою.

3. Ученіе о свободной волѣ уничтожаетъ различіе между добродѣтелью и порокомъ. По этому ученію, дѣйствующій согласно наилучшимъ принципамъ, расположенію и привычкамъ не способенъ быть добродѣтельнымъ, если онъ не имѣетъ свободной воли; равнымъ образомъ дѣйствующій подъ вліяніемъ злыхъ правилъ и аффектовъ не способенъ быть порочнымъ. Слѣдовательно, сущность порока и добродѣтели состоитъ въ свободѣ. Но свобода имѣетъ одинаковое отношеніе ко всѣмъ произвольнымъ дѣйствіямъ; слѣдовательно, всѣ произвольныя дѣйствія одинаково и добры и злы, т. е. нѣтъ различія между тѣми и другими дѣйствіями. Наприм. благожеланіе безъ свободной воли не добродѣтель и зложеланіе безъ нея не порокъ, — то и другое находятся въ нейтральномъ положеніи; если же присоединить къ нимъ свободную волю, то благожеланіе сдѣлается прекрасною добродѣтелью, а зложе-

ланіе — ненавистнымъ порокомъ, т. е., если къ равнымъ прибавить равныя, то цѣлыя будутъ неравны, что нелѣпо.

4. Ученіе о свободной волѣ опасно для добродѣтели.

а) Такъ-какъ добродѣтель и порокъ состоятъ въ чемъ-то отличномъ и независимомъ отъ мотива, привычки и характера, то сознаніе этого можетъ повести къ уменьшенію заботы о воспитаніи ума, образованіи истинныхъ правилъ жизни и приобрѣтеніи добрыхъ привычекъ.

б) Вѣра въ самоопредѣляющую силу можетъ поощрить неопытнаго, если его любопытство и наклонность сильны, ринуться въ обстоятельства соблазнительныя и опасныя, потому что онъ воображаетъ, что владѣетъ силою, достаточною для того, чтобы побѣдить каждый мотивъ, ведущій къ пороку, и, если даже его добродѣтель была побѣждаема раньше, онъ не боится сдѣлать новую попытку, потому что вѣрить въ то, что въ его власти находится сдѣлать выборъ при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Опытъ доказываетъ, что, вслѣдствіе этого опаснаго самообольщенія, многіе дѣлаются жертвою его. Съ другой стороны, нецессаріанецъ, оставаясь вѣрнымъ своимъ принципамъ, знаетъ, что, какова бы ни была сила добрыхъ правилъ и устойчивости добрыхъ привычекъ, есть соблазны, которые берутъ перевѣсъ надъ совершеннѣйшею добродѣтелю; поэтому онъ не пожелаетъ подвергать себя имъ. Если онъ опытомъ дозналъ, что въ такихъ обстоятельствахъ его добродѣтельныя рѣшенія являлись неустойчивыми, и если онъ убѣжденъ, въ-силу своихъ принциповъ, что при одинаковыхъ обстоятельствахъ онъ неизбѣжно будетъ дѣйствовать одинаково, то будетъ сознать, что его безопасность состоитъ въ избѣжаніи соблазна.

Далѣе Бельшамъ доказываетъ, что ученіе о свободной волѣ абсолютно несогласно съ божественнымъ предвѣдѣніемъ, что оно

ведеть къ атеизму, не мирится съ нравственнымъ усовершенствованіемъ чловѣка и божественнымъ правосудіемъ.

Продолжать далѣе изложеніе возраженій нецессаріанцевъ противъ ученія о свободной волѣ не считаемъ нужнымъ; изложеннаго достаточно, чтобы судить о характерѣ этихъ возраженій. Не безинтересно будетъ обратить здѣсь вниманіе читателя на слѣдующее. Метафизики обыкновенно доказываютъ существованіе свободной воли у насъ на основаніи нашего личнаго сознанія; нецессаріанцы обращаются къ тому-же личному сознанію, чтобы доказать противное, т. е. то, что мы не имѣемъ свободной воли. Метафизики утверждаютъ, что отрицаніе свободной воли въ чловѣкѣ опасно для нравственности; нецессаріанцы, напротивъ, называютъ опаснымъ для добродѣтели признаніе въ чловѣкѣ свободной воли. Метафизики говорятъ, что отрицаніе свободной воли въ чловѣкѣ ведеть къ атеизму; нецессаріанцы же утверждаютъ, что, на-оборотъ, признаніе свободной воли ведеть къ атеизму и т. д. Но къ вопросу о свободной волѣ мы еще возвратимся.